

Вне правил

Автор:

Джон Гришэм

Вне правил

Джон Гришэм

Себастиан Радд – необычный адвокат.

Его офис – пуленепробиваемый фургон с бесперебойным доступом к Интернету, шикарным баром, дорогими кожаными креслами и тайником, где хранится оружие.

Его единственный помощник и единственный друг – вооруженный до зубов водитель, которому часто приходится перевоплощаться в телохранителя.

Его номера вы не найдете в телефонном справочнике.

Но именно Себастиан Радд берется за дела, от которых отказываются все.

Он не доверяет власти, страховым компаниям, крупным корпорациям и не питает уважения к судебным этическим нормам.

Однако если надо вытащить из тюрьмы невинного, будь то нищий неудачник, которого обвиняют в убийстве, попавший в беду старик, выстреливший в ворвавшихся к нему в дом полицейских, или даже криминальный авторитет, он всегда готов кинуться в бой. Потому что каждый имеет право на справедливый вердикт, считает он. И ради этого он готов идти до конца, даже если придется играть вне правил!..

Джон Гришэм

Вне правил

© Belfry Holdings, Inc., 2015

© Перевод. В. В. Антонов, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Часть первая

Неуважение к суду

1

Меня зовут Себастиан Радд, и, хотя в нашем городе я известный адвокат, вы не встретите мое имя ни на рекламных щитах, ни на спинках автобусных кресел, ни напечатанным в деловых справочниках, где информация об адвокатах дана жирным шрифтом. Я не плачу, чтобы меня показали по телевизору, но на экране появляюсь часто. Вы не найдете обо мне упоминания ни в одной телефонной книге. У меня нет обязательного для адвоката офиса. Я всегда хожу с пистолетом, причем на законных основаниях, потому что мое имя и лицо, как правило, вызывают нездоровый интерес со стороны людей, которые тоже носят при себе оружие и не смущаются пускать его в ход. Я живу один, сплю обычно тоже один и не обладаю терпением и пониманием, необходимыми для поддержания дружеских отношений. Вся моя жизнь подчинена служению закону, вечно ненасытному и редко благодарному. Я бы не сравнил его с ревнивой любовницей, как повелось с чьей-то легкой руки. Он больше похож на деспотичную жену, которая контролирует все финансы. И изменить ничего нельзя.

В последнее время я ночую в дешевых мотелях, которые приходится менять каждую неделю. Я не стараюсь сэкономить; скорее пытаюсь просто остаться в живых. Есть немало желающих меня убить, и многие открыто об этом заявляют. На юридическом факультете не рассказывают, что в один прекрасный день можно вдруг оказаться защитником человека, обвиняемого в совершении преступления столь гнусного и отвратительного, что обычно законопослушные граждане невольно хватаются за оружие и грозят сами расправиться и с обвиняемым, и с его адвокатом, и даже с судьей.

Но мне угрожали и прежде. Это неотъемлемая часть работы адвоката отверженных, той узкой специализации, на которой мне пришлось остановиться лет десять назад. Когда я закончил учебу, с работой было плохо. Я скрепя сердце устроился на неполную ставку в городской адвокатуре. Оттуда попал в небольшую дышавшую на ладан фирму, которая занималась защитой исключительно по уголовным делам. Через несколько лет фирма окончательно разорилась, и я оказался на улице, где, подобно многим другим, был вынужден крутиться, чтобы заработать на жизнь.

Я получил известность благодаря одному делу. Не могу сказать, что оно меня прославило, потому что, если серьезно, как можно говорить о славе адвоката в Городе с миллионным населением? В Городе хватает трепачей, считающих себя знаменитыми. Они улыбаются с рекламных щитов, предлагая помощь при банкротстве, или надувают щеки в телевизионных рекламных роликах, пытаюсь изобразить, как глубоко их трогают ваши личные проблемы, но за свою рекламу им приходится платить. В отличие от меня.

Итак, дешевые мотели меняются каждую неделю. Я нахожусь в самом разгаре судебного процесса, который проходит в унылом и захудалом рабочем городке Майлоу, что в двух часах езды от Города, где я живу. Я защищаю восемнадцатилетнего отщепенца, у которого плохо с головой. Он обвиняется в убийстве двух маленьких девочек – это одно из самых жутких преступлений, с которыми мне приходилось сталкиваться, а их было немало. Мои клиенты почти всегда виновны, так что я не особо заморачиваюсь на тот счет, получают ли они по заслугам. Правда, в данном случае Гарди не виноват, но что это меняет? Ничего. Но сейчас для Майлоу важно, чтобы Гарди признали виновным, приговорили к смерти и казнили как можно быстрее, чтобы городок мог вздохнуть свободно и продолжить свой путь. Но путь куда именно? Будь я проклят, если знаю, да мне это и не важно. Этот городок уже полвека пятится назад, и один паршивый вердикт не изменит его курса. Я читал и слышал, что

Майлоу наконец следует «вздыхнуть свободно», что бы это ни значило. Нужно быть полным идиотом, чтобы поверить, будто этот городишко каким-то волшебным образом начнет расти и процветать и станет более терпимым, как только Гарди казнят, вколов смертельную инъекцию.

Моя работа многогранна и сложна и в то же время довольно проста. Штат платит мне за предоставление первоклассной защиты обвиняемому в тяжком убийстве, и я обязан сражаться изо всех сил, чтобы устроить настоящий ад в зале суда, где никто никого не слушает. По сути, Гарди признали виновным уже на следующий день после ареста, и суд над ним – пустая формальность. Тупоголовые и беспринципные полицейские состряпали обвинения и сфабриковали доказательства. Прокурор об этом знает, но он тряпка и в будущем году хочет переизбраться на новый срок. Судья постоянно пребывает в летаргическом сне. Присяжные – в основном простые, хорошие люди, к процессу они относятся как к священнодействию и будут готовы поверить любой лжи, произнесенной напыщенными представителями власти со свидетельской кафедры.

В Майлоу хватает дешевых мотелей, но останавливаться в них я не могу. С меня готовы заживо содрать кожу, меня бы с радостью линчевали или даже сожгли на костре. Если мне повезет, то снайпер просто всадит мне пулю в лоб, и все будет кончено в мгновение ока. Во время судебного разбирательства меня охраняет полиция штата, но я не питаю особых иллюзий насчет этой защиты. Копы относятся ко мне ничуть не лучше, чем большинство жителей. Они видят во мне длинноволосого беспринципного негодяя, у которого хватает наглости защищать права детоубийц и им подобных.

Сейчас я живу в мотеле «Хэмптон-Инн», расположенном в получасе езды от Майлоу. Номер в сутки здесь стоит шестьдесят долларов, и штат возместит мне расходы на проживание. Соседний номер занимает Напарник – мой внушительных размеров и вооруженный до зубов помощник, который носит только черные костюмы и везде меня сопровождает. Напарник – мой водитель, телохранитель, доверенное лицо, ассистент по юридической части, кэдди[1 - Помощник игрока в гольф, который носит его клюшки и имеет право давать ему советы по ходу игры. – Здесь и далее примеч. пер.] и единственный друг. Его преданностью я обязан решению присяжных, признавших его невиновным в убийстве наркополицейского, который работал под прикрытием. Мы вышли из зала суда рука об руку и с тех пор не разлучались. По меньшей мере дважды его пытались убить полицейские, находясь не при исполнении. Один раз они

приходили за мной. Но пока нам удастся держаться. Или, точнее сказать, вовремя залегать на дно.

2

В восемь утра Напарник стучит в мою дверь. Пора идти. Мы здороваемся и усаживаемся в мою машину – большой черный фургон, оснащенный всем необходимым. Поскольку он служит еще и офисом, то задние сиденья расположены вокруг небольшого складного столика. Здесь есть диван, на котором мне нередко приходится ночевать. Стекла всех окошек затонированы и пуленепробиваемы. В фургоне имеется телевизор, музыкальный центр, Интернет, холодильник, бар, пара пистолетов и смена одежды. Я сажусь на переднее сиденье рядом с Напарником, и, выезжая со стоянки, мы перекусываем сэндвичами с колбасой, которыми предусмотрительно запаслись в закусочной. Перед нами едет полицейская машина без опознавательных знаков, сопровождающая нас в Майлоу. Позади держится еще одна. Последнее письмо с угрозой физической расправы мы получили два дня назад по электронной почте.

Напарник разговаривает, только если я к нему обращаюсь. Я не устанавливал такого правила, но оно мне по душе. Напарника ничуть не смущает долгое молчание, и меня тоже. За несколько лет немногословного общения мы научились понимать друг друга с помощью кивков, подмигивания и пауз. На полпути к Майлоу я открываю папку с делом и начинаю черкать заметки.

Двойное убийство было настолько чудовищным, что за него не брался ни один местный адвокат. После ареста на Гарди достаточно было просто взглянуть, чтобы отбросить любые сомнения в его виновности. Длинные крашеные, черные как смоль волосы, причудливый набор пирсинга выше шеи и татуировок ниже ее, стальные серьги под стать, холодные светлые глаза и ухмылка, говорившая: «Ладно, я это сделал, что теперь?» В своем первом репортаже местная газета Майлоу описала его как «члена сатанинского культа, уже привлекавшегося за растление малолетних».

А как насчет честного и непредвзятого освещения событий? Гарди никогда не был членом сатанинского культа, да и покушение на растление тоже вызывает вопросы. Но с этого момента он стал виновным, и я до сих пор удивляюсь, что

его все еще не осудили. Гарди хотели вздернуть уже давно.

Само собой разумеется, что все адвокаты в Майлоу тут же заперли двери и отключили телефоны. Городок слишком мал, чтобы содержать службу государственных защитников, и в случае неплатежеспособности подсудимого адвокат назначается решением судьи. По негласному правилу, такие бесперспективные дела поручаются молодым городским адвокатам: во-первых, кому-то же надо их вести, а во-вторых, юристы постарше уже прошли через это, когда сами начинали. Однако защищать Гарди не соглашался никто, и, честно говоря, я их не виню. Это их город и их жизнь, и такой клиент в послужном списке может бросить тень на всю карьеру.

Как члены общества, мы все свято верим, что у обвиняемого в совершении тяжкого преступления есть право на справедливый суд, но далеко не всем нравится, когда для обеспечения этого права привлекается толковый адвокат. Меня часто спрашивают: «Как вы можете защищать такого подонка?» На это я просто отвечаю, что кто-то должен это делать, и быстро ретируюсь.

Хотим ли мы в самом деле справедливого судебного разбирательства? Нет, не хотим. Мы хотим справедливости, причем немедленно. А что является справедливым, определяем сами в каждом конкретном случае.

Точно так же мы не верим в справедливое судебное разбирательство, поскольку ничуть не сомневаемся, что его не существует. Презумпцию невиновности теперь сменила презумпция вины. Бремя доказательства превратилось в пародию, поскольку доказательством зачастую является ложь. Вина при отсутствии обоснованного сомнения означает только одно: если есть вероятность, что он это сделал, давайте уберем его куда-нибудь подальше.

Как бы то ни было, адвокаты бросились врассыпную, и Гарди остался без защитника. И вскоре позвонили мне, что довольно красноречиво свидетельствует о моей репутации – уж не знаю, радоваться этому или огорчаться. В юридических кругах нашей части штата теперь хорошо известно, что, если все отказываются вести дело, надо обратиться к Себастиану Радду. Он готов защищать кого угодно!

После ареста Гарди возле тюрьмы собралась толпа и требовала справедливости. Когда полицейские вели его в наручниках к фургону, чтобы отвезти в суд, толпа

осыпала его проклятиями и забрасывала помидорами и камнями. Об этом подробно написали в местной газете и даже сняли специальный репортаж для вечерних новостей Города (в Майлоу нет своей сетевой станции, только дешевое кабельное оборудование). Я умолял перенести суд в другое место, просил судью проводить судебные заседания не меньше чем за сто миль от Майлоу, чтобы имелся хоть какой-то шанс найти хотя бы нескольких присяжных, кто не швырял бы в подсудимого камнями и не проклинал его за ужином. Но нам отказали. Все мои досудебные ходатайства были отклонены.

Город жаждал справедливости. Жаждал крови.

Наш фургон свернул к зданию суда и остановился у заднего входа: группы поддержки не наблюдается, но кое-кто из завсегдатаев, как всегда, на месте. Они собрались за полицейским ограждением, выставленным неподалеку, и размахивают убогими плакатами с очень содержательными надписями, вроде «Детоубийцу в петлю!», «Сатана ждет!» и «Радд, подонок, вон из Майлоу!». Этих трогательных энтузиастов набралось около десятка, и их цель – поглумиться надо мной, но главное – показать свою ненависть к Гарди, которого вот-вот должны привезти сюда же. В первые дни процесса эту маленькую группку даже снимали, и кое-кто со своими плакатами попал в газеты. Понятное дело, это еще больше их раззадорило, и с тех пор они дежурят здесь каждое утро. Толстуха Сьюзи держит плакат «Радд – подонок!» и смотрит так, будто хочет пристрелить меня на месте. Боб-Патрон, утверждающий, будто приходится родственником одной из погибших девочек, сказал, о чем даже написали, что судебный процесс был пустой тратой времени. Боюсь, в этом он прав.

Остановив фургон, Напарник устремляется к моей двери, к нему присоединяются три молодых помощника шерифа такой же внушительной комплекции. Я выхожу, и меня сразу обступают, чтобы прикрыть, после чего вталкивают в заднюю дверь здания суда, а Боб-Патрон громко обзывает шлюхой. Я благополучно добрался и теперь в безопасности. Я не знаю ни одного случая за последнее время, когда адвоката по уголовным делам застрелили у здания суда в разгар судебного процесса, однако уже смирился с тем, что вполне могу оказаться первым.

Мы поднимаемся по узкой задней лестнице, на которую никого больше не пускают, и меня проводят в небольшую комнату без окон, где когда-то держали заключенных, дожидаясь появления судьи. Через несколько минут прибывает Гарди, доставленный в целости и сохранности. Напарник выходит в коридор и

закрывает за собой дверь.

– Ну как ты? – спрашиваю я, когда мы остаемся одни.

Он улыбается и потирает запястья, на несколько часов освобожденные от наручников.

– Кажется, нормально. Спал мало.

Душ он не принимал, потому что боится его принимать. Время от времени он пробует это сделать, но ему не включают горячую воду. Поэтому от Гарди несет застарелым потом и грязным постельным бельем, и я рад, что в зале суда он находится достаточно далеко от жюри. Черная краска постепенно сходит с его волос, и они с каждым днем становятся светлее, а кожа бледнее. Он меняет цвет прямо на глазах у жюри, что лишь подтверждает его нечеловеческую природу и сатанинскую сущность.

– Что сегодня? – спрашивает он с почти детским любопытством. Коэффициент умственного развития Гарди равен семидесяти, это едва позволяет привлечь его к уголовной ответственности и вынести смертный приговор.

– Боюсь, то же самое, Гарди. Продолжение прежнего.

– А ты не можешь заставить их перестать врать?

– Нет, не могу.

У штата нет никаких улик, свидетельствующих о причастности Гарди к убийствам. Абсолютно никаких. Поэтому, вместо того чтобы принять это во внимание и пересмотреть заведенное дело, штат поступает так, как привык поступать в подобных случаях. А именно: идет напролом, закусив удила, опираясь на вымыслы и сфабрикованные показания.

Гарди провел в зале суда две недели, слушая ложь с закрытыми глазами и медленно качая головой. Он способен качать головой несколько часов подряд, и присяжные наверняка считают его психом. Я просил его этого не делать, а сесть ровно, взять ручку и что-нибудь записывать в блокнот, будто у него есть мозги и

он хочет бороться и победить. Но он просто не в состоянии это сделать, а спорить со своим клиентом в зале суда я не могу. Я просил его также прикрыть руки и шею, чтобы не было видно татуировок, но он ими гордится. Я просил его избавиться от пирсинга, но он настаивает на том, чтобы оставаться самим собой. Светлые головы, управляющие тюрьмой Майлоу, запрещают заключенным пирсинг любого рода, если, конечно, речь не идет о Гарди, который отправляется на заседание суда. В этом случае пусть он утыкает хоть все лицо. Пусть все увидят, какой Гарди ужасный и больной на всю голову сатанист, и у присяжных не будет никаких проблем с признанием его виновным.

На гвозде висит вешалка с белой рубашкой и штанами цвета хаки, в которых он ежедневно появлялся в суде. Этот дешевый комплект я купил для него на свои деньги. Он медленно расстегивает оранжевый тюремный комбинезон и вылезает из него. Он не носит нижнего белья – я заметил это в первый день суда и с тех пор пытаюсь не обращать внимания. Гарди медленно одевается.

– Сколько же вранья, – произносит он.

И он прав. На сегодняшний день со стороны обвинения были заслушаны девятнадцать свидетелей, и ни один из них не устоял перед искушением хоть как-то приукрасить свои показания вымышленными деталями или откровенно соврать. Патологоанатом, делавший вскрытие в криминалистической лаборатории штата, сообщил присяжным, что две маленькие жертвы утонули, но также добавил, что способствовала этому «травма от удара тупым предметом» по голове. Обвинению будет намного проще, если жюри сочтет, что девочек изнасиловали и избили до бесчувствия, а потом бросили в пруд. Никаких доказательств, что девочки подверглись сексуальному насилию, нет, однако это ничуть не помешало обвинению включить изнасилование в список предъявленных обвинений. Я бился с патологоанатомом на протяжении трех часов, но с экспертом трудно спорить, даже если он некомпетентен.

Поскольку у обвинения нет никаких доказательств, оно вынуждено их фабриковать. Самые возмутительные показания дал тюремный стукач по кличке Сажа, как нельзя более ему подходящей. Он поднатерел на ложных показаниях в зале суда и всегда говорит то, что от него хотят услышать. А с Гарди вышло вот как. Сажа очередной раз оказался в тюрьме по обвинению в торговле наркотиками, и ему светит десять лет за решеткой. Полицейским требовались нужные показания, и, естественно, Сажа подвернулся весьма кстати. Ему сообщили кое-какие детали преступления, а затем перевели Гарди из

региональной тюрьмы в окружную, где сидел Сажа. Гарди понятия не имел, почему его туда перевели и какую ему приготовили ловушку (это произошло еще до меня).

Гарди поместили в маленькую камеру к Саже, который проявил к нему участие и якобы хотел всячески помочь. Он утверждал, что ненавидит полицейских и знает хороших адвокатов. Он также читал об убийствах двух девочек и догадывался, кто их убил на самом деле. Поскольку Гарди ничего не знал об убийствах, рассказать о них хоть что-то он никак не мог. Тем не менее через сутки Сажа заявил, что Гарди ему во всем признался. Полицейские выдернули Сажу из клетки, и в следующий раз Гарди его увидел только на судебном процессе. Для выступления в суде в качестве свидетеля Сажа привел себя в порядок: надел рубашку с галстуком, коротко постригся и прикрыл татуировки. Он с потрясающими подробностями воспроизвел рассказ Гарди: как тот выследил в лесу двух девочек, сбил их с велосипедов, заткнул им рот и связал, а потом пытал, надругался и избил, после чего бросил в пруд. По версии Сажи, Гарди был законченным наркоманом и фанатом тяжелого рока.

Настоящий спектакль. Я знал, что это была ложь от начала до конца, как знали это Гарди, Сажа, полицейские и прокуроры, да и у судьи, похоже, имелись сомнения. Однако присяжные всему поверили и с ненавистью и отвращением смотрели на моего клиента, который выслушал все с закрытыми глазами и лишь качал головой: нет, нет, нет. Показания Сажи были столь невероятными и изобиловали таким количеством жутких деталей, что порой даже не верилось, что все это вымысел. Такое просто невозможно придумать!

Я сражался с Сажей восемь часов, целый долгий и утомительный день. Судья уже начал терять терпение, а присяжные перестали соображать, но я мог бы продолжать целую неделю. Я поинтересовался у Сажи, сколько раз он давал показания в уголовных процессах. Он сказал, что, может, раза два. Я, сверившись с записями, освежил ему память и напомнил о девяти других процессах, на которых он сотворил точно такое же чудо для наших честных и непредвзятых прокуроров. Отчасти восстановив его память, я спросил, сколько раз прокуроры сокращали ему срок за то, что он лгал для них в суде. Он сказал, что ни разу, и мне пришлось остановиться на каждом из девяти случаев. Я документально подтвердил его ложь. Я ни у кого не оставил сомнений, и в первую очередь у присяжных, что Сажа – серийный стукач, который за лжесвидетельство получал смягчение приговора.

Должен признаться, в суде я нередко стервенею и это вредит делу. Сажу вывел меня из себя, и я обрушился на него с такой яростью, что кое-кому из присяжных даже стало его жалко. В конце концов судья сказал, чтобы я с ним заканчивал, но я не послушался. Я ненавижу лжецов, особенно таких, которые клянутся говорить правду, а потом нагло врут, чтобы моего клиента признали виновным. Я орал на Сажу, судья орал на меня, и временами казалось, что в зале стоит сплошной крик. Однако делу Гарди это никак не помогло.

Прокурор мог бы разбавить эту череду лжецов каким-нибудь свидетелем, заслуживающим доверия, но для этого были нужны мозги. Его следующим свидетелем оказался другой заключенный, тоже наркоман, который показал, что находился в коридоре возле камеры Гарди и слышал его признания Саже.

Одна ложь за другой.

– Пожалуйста, пусть они перестанут врать, – попросил Гарди.

– Я стараюсь, Гарди. Делаю все, что могу. Нам пора идти.

3

Помощник шерифа провожает нас в зал суда, который снова забит до отказа, и в воздухе висит напряжение. Сегодня десятый день заслушивания показаний, и я уверен, что в этом захолустном городишке не происходит ничего более примечательного. Мы здесь главное развлечение. В зале суда яблоку негде упасть, и люди толпятся даже вдоль стен. Слава богу, погода стоит прохладная, иначе бы мы все обливались потом.

Каждый судебный процесс, на котором рассматривается убийство, караемое смертной казнью, требует наличия не менее двух адвокатов защиты. Моим вторым адвокатом, или «вторым стулом», является Тротс – болван, которому следует сжечь свое свидетельство о праве заниматься адвокатской деятельностью и проклясть тот день, когда ему захотелось покрасоваться в зале суда. Он из маленького городка в двадцати милях от Майлоу и посчитал, что это достаточно далеко, чтобы оградить его от неприятностей, связанных с

разбирательством ужасного дела Гарди. Тротс добровольно вызвался представлять защиту на предварительном слушании, надеясь благополучно соскочить, если дело дойдет до суда. Однако он просчитался. Как неопытный юнец, он завалил защиту на предварительном слушании, а потом пытался уйти в сторону. Но судья этого не допустил. Тогда Тротс решил, что лучшим выходом для него будет занять «второй стул», чтобы поднабраться опыта, почувствовать давление реального процесса и все такое, но после нескольких угроз убить его предпочел самоустраниться. Для меня же подобные угрозы являются такой же частью ежедневной рутины, как утренний кофе и лживые полицейские.

Я подал три ходатайства, чтобы удалить Тротса со «второго стула». Как и следовало ожидать, все они были отклонены, так что мы с Гарди вынуждены терпеть дебила, от которого вреда явно больше, чем пользы. Тротс садится от нас как можно дальше, правда, учитывая нынешнее гигиеническое состояние Гарди, я не могу его за это винить.

Несколько месяцев назад Гарди рассказал мне, что на самой первой их с Тротсом встрече в окружной тюрьме тот был шокирован его заявлением о невинности. Они даже заспорили из-за этого. Хорош защитничек?

И вот Тротс сидит в самом конце стола, зарывшись с головой в бумаги и делая бессмысленные заметки, ничего не видя и не слыша вокруг и чувствуя на себе полные ненависти взгляды собравшихся, которые с удовольствием вздернули бы нас вместе с клиентом. Тротс рассчитывает, что этому когда-нибудь наступит конец и по завершении процесса он опять вернется к обычной жизни и выстраиванию карьеры. Но он заблуждается. Как только я освобожусь, подам жалобу в комиссию по этике Коллегии адвокатов и обвиню Тротса в «некачественной защите» до и во время судебного процесса. Я предпринимал это и раньше и знаю, как довести дело до конца. С коллегией у меня свои отношения, и правила игры мне отлично знакомы. Когда я разберусь с Тротсом, ему останется только сдать свою лицензию и заняться продажей подержанных автомобилей.

Гарди занимает место в центре стола. Тротс не поднимает глаз на своего клиента и не произносит ни слова.

Гувер, прокурор, подходит и протягивает мне листок бумаги. Никаких «добрый день» или «привет». Мы настолько далеки от самых банальных любезностей, что даже невинный приветственный кивок со стороны любого из нас будет похож на

гром среди ясного неба. Я ненавижу этого человека точно так же, как он ненавидит меня, но в этом поединке ненависти у меня есть преимущество. Почти каждый месяц мне приходится иметь дело с лицемерными прокурорами, которые лгут, клеветают, ставят палки в колеса, утаивают, плюют на этику и не гнушаются ничем для получения обвинительного приговора, даже если сами знают, что правда не на их стороне. Так что мне отлично известна эта порода, этот вид и подвид юриста, находящегося над законом, потому что он и есть закон. Гувер же, напротив, редко имеет дело с отщепенцами вроде меня, потому что, к сожалению для него, редко сталкивается с сенсационными случаями и почти никогда с такими, в которых ответчик привлекает для защиты питбуля. Имей он дело с подобными адвокатами чаще, мог бы поднатореть в проявлении ненависти. Для меня же это образ жизни.

Я беру листок и спрашиваю:

– И кто для вас будет врать сегодня?

Он ничего не отвечает и отходит назад к своему столу, за которым с напускной деловитостью, чтобы произвести впечатление на публику, совещается небольшая банда его помощников, сплошь в темных костюмах. Это самый значительный процесс за всю их жалкую карьеру в таком захолустье, и они вдруг оказались на первом плане. Мне часто кажется, что все сотрудники офиса окружного прокурора, способные ходить, говорить, носить дешевый костюм и новый портфель, собрались за этим столом, чтобы добиться торжества справедливости.

Судебный пристав зычным голосом извещает о появлении судьи, я поднимаюсь с места, судья Кауфман входит, и мы садимся. Гарди отказывается вставать в знак уважения к важной персоне. Сначала это не на шутку выводило его честь из себя. В первый день суда, который теперь кажется таким далеким, он рявкнул, обращаясь ко мне:

– Мистер Радд, вы не могли бы попросить своего клиента подняться?

Я так и сделал, но Гарди отказался. Это смутило судью, и мы позже обсудили случившееся у него в кабинете. Он пригрозил наказать моего подзащитного за неуважение к суду и держать его в камере до конца процесса. Я попытался поддержать его порыв, но проговорился, что столь чрезмерная реакция будет

неоднократно упоминаться при апелляции.

- А что они мне могут сделать такого, чего еще не сделали? - резонно поинтересовался Гарди.

Вот почему каждое утро судья Кауфман начинает с гримасы крайнего недовольства и уничижающего взгляда, которыми испепеляет моего клиента, а тот, как правило, сидит, ссутулившись, на стуле и либо тербит кольцо в носу, либо кивает головой, закрыв глаза. Трудно сказать, кто из нас - адвокат или клиент - вызывает у Кауфмана большую неприязнь. Подобно всем остальным жителям Майлоу, он давно убежден в виновности Гарди. И, как и все в зале суда, ненавидит меня с самого первого дня.

Но это не важно. В нашем бизнесе дружба большая редкость, а вот врагами обзаводишься очень быстро.

Поскольку в будущем году Кауфману, как и Гуверу, предстоят выборы, он растягивает губы в фальшивой улыбке политика и приглашает всех собравшихся в зале суда присутствовать при установлении истины. На основании расчетов, сделанных мной как-то в обеденный перерыв, в зале имелись места для чуть более трехсот человек. За исключением матери Гарди и его сестры, все горячо молятся о вынесении обвинительного приговора и незамедлительной казни. Оправдать надежды общественности надлежит судье Кауфману. Он - тот, кто до сих пор разрешал свидетелям обвинения беспрепятственно лжесвидетельствовать. Такое впечатление, что он не хочет рисковать потерей даже одного голоса на выборах, а такое возможно, поддержки он хотя бы один из заявленных мной протестов.

Когда все рассаживаются по местам, вводят членов жюри. Их четырнадцать человек, они теснятся на скамье присяжных: двенадцать выбранных плюс двое запасных, если кто-то заболит или проштрафится. Они не изолированы (хотя я и просил об этом), поэтому могут свободно возвращаться вечером домой и поливать нас с Гарди грязью за ужином. В конце каждого дня заседаний судья напоминает им, что они не имеют права обсуждать процесс ни под каким видом, но они начинают судачить о нем, едва оказавшись на улице. Их вердикт уже вынесен. Предложи им проголосовать прямо сейчас, не заслушав ни одного свидетеля со стороны защиты, они признают Гарди виновным и потребуют его казни. А затем вернутся домой как герои и будут рассказывать о процессе всю оставшуюся жизнь. Когда Гарди казнят, они будут испытывать особую гордость

за свою решающую роль в торжестве справедливости. Они станут местными знаменитостями. Их будут поздравлять, останавливать на улице, узнавать в церкви.

Все так же слащаво Кауфман приветствует их, благодарит за исполнение гражданского долга, спрашивает, не пытался ли кто-нибудь связаться с ними и оказать давление. Это обычно обращает взгляды кое-кого из присутствующих в мою сторону, как будто у меня есть время и желание и нет мозгов, чтобы красться в темноте по улицам Майлоу, преследуя присяжных, чтобы подкупить их, запугать или заручиться их поддержкой. Теперь ни у кого не вызывает сомнения, что единственным мошенником в зале являюсь именно я, несмотря на множество грехов, совершенных противоположной стороной.

По правде говоря, будь у меня деньги, время и персонал, я бы действительно подкупил и/или запугал каждого присяжного. Когда штат с его безграничными ресурсами идет на клевету и постоянно мошенничает, он придает обману легитимность. В этой игре нет места честности. Тут нет справедливости. Для адвоката, пытающегося спасти невиновного клиента, нет другой реальной альтернативы, кроме как прибегнуть при защите к обману.

Но если адвоката поймают на обмане, он подвергнется санкциям со стороны суда, получит взыскание от ассоциации адвокатов штата или даже станет ответчиком по официальному обвинению. Если же на обмане поймают прокурора, то его либо переизберут, либо повысят. Плохого прокурора наша система не наказывает никогда.

Присяжные заверяют его честь, что все в порядке.

– Мистер Гувер, – обращается он к прокурору с торжественным видом, – пригласите, пожалуйста, своего следующего свидетеля.

Затем на стороне штата выступает фундаменталистский проповедник, превративший старое агентство по продаже автомобилей во Всемирный храм жатвы Господней и собирающий от толп адептов пожертвования на молитвенных собраниях, которые ежедневно устраиваются исключительно для этой цели. Я видел его по кабельному телевидению, и одного раза мне хватило с лихвой. Он тоже хочет получить долю славы и рассказывает, как однажды схлестнулся с Гарди на вечерней службе, устроенной для молодежи. По его

версии, на Гарди была футболка с музыкантами группы, работающей в стиле хеви-метал, и неким сатанинским посланием, позволившим дьяволу незаметно проникнуть на службу. В воздухе разгорелась невидимая духовная битва между силами добра и зла, и Господь был этим очень опечален. Божественное провидение помогло проповеднику обнаружить в толпе источник зла, после чего он остановил музыку, подошел к Гарди и вышвырнул его из помещения.

Гарди возражает, что никогда даже близко не подходил к этой церкви. По его словам, за все свои восемнадцать лет он вообще ни разу не был в церкви. Его мать это подтверждает. В провинции семьи вроде той, где вырос Гарди, принято называть «абсолютно неверующими».

Какое отношение такие показания имеют к рассмотрению дела об убийстве, понять невозможно. Это смехотворно и граничит с идиотизмом. Если будет вынесен обвинительный приговор, то всю эту чушь года через два рассмотрит непредвзятый апелляционный суд миль за двести отсюда. Судьи там вряд ли будут намного умнее Кауфмана, но уж точно не такими ограниченными, что уже прогресс, и скептически отнесутся к показаниям болвана-проповедника о выдуманном им инциденте, якобы имевшем место за тринадцать месяцев до убийства.

Я заявляю протест. Он отклоняется. Я заявляю протест уже со злостью. Он со злостью отклоняется.

Гувер отчаянно стремится доказать причастность к делу сатаны. Судья Кауфман с самого начала дал этой версии зеленый свет, и теперь Гуверу все дозволено. Однако свет тут же переключится на красный, как только я начну вызывать своих свидетелей. Нам повезет, если удастся внести в протокол хотя бы сотню слов из показаний свидетелей защиты.

Проповедник имеет непогашенную налоговую задолженность в другом штате. Он не знает, что я это раскопал, и на перекрестном допросе у меня будет возможность повеселиться. Хотя это ничего не изменит. Жюри уже определилось с вердиктом. Гарди – монстр, чье место в аду. Их задача заключается в том, чтобы поскорее его туда определить.

Гарди наклоняется ко мне и шепчет:

– Мистер Радд, клянусь, я никогда не был в церкви.

Я киваю и улыбаюсь, потому как ничего другого мне не остается. Адвокат не может верить всему, что говорят его клиенты, но когда Гарди утверждает, что никогда не был в церкви, я ему верю.

У проповедника вспыльчивый характер, и я этим пользуюсь. Я упоминаю задолженность по налогам, чтобы вывести его из себя, и успокоиться он уже не в силах. Я втягиваю его в дебаты о непогрешимости Писания, Троице, апокалипсисе, использовании иностранных языков, общении со змеями, принятии яда и повсеместном распространении сатанинских культов в округе Майлоу. Гувер возмущенно заявляет протесты, и Кауфман их поддерживает. В какой-то момент проповедник, само благочестие, но с побагровевшим лицом, закрывает глаза и картинно воздевает руки. Я инстинктивно замираю, съеживаюсь и смотрю в потолок, словно ожидая удара молнии. После этого он называет меня атеистом и говорит, что я отправлюсь в ад.

– Так вы наделены властью посылать людей в ад? – тут же парирую я.

– Господь говорит мне, что вы туда отправитесь.

– Так дайте ему микрофон, чтобы мы все могли услышать.

При этих словах двое присяжные, не удержавшись, хмыкают. Для Кауфмана это уже слишком. Он стучит молотком и объявляет перерыв на обед. Мы потратили полдня на лицемерного придурка и его лживые показания, но он не первый местный, настоявший на своем участии в процессе. В Городе полно желающих выглядеть героями.

4

Обед – это всегда приятно. Поскольку покидать здание суда для нас с Гарди небезопасно, как, впрочем, и сам зал суда, мы в одиночестве едим сандвичи за столом защиты. Всего приносят шестнадцать упаковок, перемешивают их, берут наугад две для нас, а остальные отправляют в комнату присяжным. Это

предложил я, потому что не хочу быть отравленным. Гарди не в курсе; он просто голоден. Он говорит, что еда в тюрьме понятно какая и что и он не доверяет охранникам. Там он ничего не ест, и поскольку обед – его единственный шанс принять пищу за весь день, я обратился к судье Кауфману с ходатайством, чтобы штат удвоил его порцию и он получал два малосъедобных куриных сэндвича с увеличенной порцией картошки и соленых огурцов. Другими словами, две упаковки, а не одну. Ходатайство было отклонено.

Вот почему Гарди достается половина моего сэндвича и вся соленая хрень. Не будь я голоден, ему бы доставалась вся моя порция этой отравы.

Время от времени в зал наведывается Напарник. Он боится надолго оставлять фургон на одном месте без присмотра, чтобы не прокололи шины и не разбили стекла. К тому же на него возложен ряд обязанностей, одна из которых – время от времени встречаться с Епископом.

Когда я оказываюсь в зоне боевых действий в каком-нибудь маленьком городке, уже сомкнувшем ряды для убийства одного из своих жителей за некое чудовищное преступление, нахождение нужного источника информации может занять некоторое время. Таким источником всегда становится другой адвокат, местный житель, который тоже защищает преступников и еженедельно сталкивается с полицией и прокуратурой. Этот источник наконец сам выходит на нас, принимая все мыслимые меры предосторожности, потому что боится быть разоблаченным как предатель. Он знает правду или что-то близкое к правде. Он знает всех игроков, знает плохих парней, а иногда и хороших. Поскольку его шансы на выживание зависят от того, насколько хорошо ему удастся ладить с полицейскими, секретарями суда и помощниками прокурора, он знает систему изнутри.

В случае с Гарди моим тайным осведомителем является Джимми Брессап. Мы называем его Епископом. Я никогда его не видел. Он работает через Напарника, и они встречаются в необычных местах. По словам Напарника, Епископу около шестидесяти, у него длинные седые редеющие волосы, он плохо одет, много сквернословит, имеет дурной характер и слабость к бутылке.

– То есть похож на меня в старости? – спросил я.

– Не совсем, – уклончиво отозвался Напарник.

При всем своем бахвальстве и экстравагантности, Епископ боится, что его контакты с адвокатами Гарди будут раскрыты.

По словам Бишопа, Гуверу и его подельникам уже известно, что они судят не того человека, но они зашли слишком далеко, чтобы дать обратный ход и признать ошибку. И еще: в городке с самого начала шептались о том, кто является настоящим убийцей.

5

Сегодня пятница, и все в зале суда устало. Примерно с час у меня уходит на то, чтобы решительно разобраться с прыщавым тупым маленьким негодяем, который утверждает, что присутствовал на той церковной службе, когда Гарди вызывал демонов и ломал вещи. Честно говоря, я не раз сталкивался с самым откровенным лжесвидетельством, но такого беспредела еще не встречал. Мало того что все это была гнусная ложь, но она не имела абсолютно никакого отношения к делу. Ни один другой прокурор не стал бы с этим связываться. Ни один другой судья не допустил бы приобщения подобных показаний к делу. Кауфман наконец объявляет перерыв в заседаниях на выходные.

Мы с Гарди встречаемся в комнате ожидания, где он переодевается в тюремный комбинезон, а я произношу банальности с пожеланием ему хорошо провести уик-энд. Я даю ему десять долларов на торговые автоматы. Он говорит, что завтра мать принесет его любимое лимонное печенье. Иногда охранники его пропускают, а иногда оставляют себе. Как выйдет на этот раз, предугадать невозможно. Каждый охранник весит в среднем фунтов триста, так что им, полагаю, необходимы украденные калории. Я прошу Гарди в выходные принять душ и вымыть волосы.

– Мистер Радд, если я найду бритву, то покончу с собой, – заявляет он и проводит ребром ладони себе по горлу.

– Не говори так, Гарди.

Он уже заявлял об этом раньше, и вполне серьезно. Парню незачем жить, и у него достаточно мозгов, чтобы понимать, что его ждет. Черт, это было бы видно даже слепому. Мы пожимаем друг другу руки, и я быстро спускаюсь по ступенькам задней лестницы. У двери меня встречают Напарник и помощники шерифа и заталкивают в фургон. Очередной безопасный отъезд.

Когда мы покидаем пределы Майлоу, я начинаю клевать носом и вскоре засыпаю. Минут через десять меня будит звонок мобильного, и я отвечаю на вызов. Мы следуем за патрульной машиной до мотеля, где забираем свои вещи, рассчитываемся за номера и уезжаем. Вскоре мы уже одни и едем в Город.

- Встречался с Епископом? - спрашиваю я Напарника.

- Да. Сегодня пятница, а по пятницам, полагаю, он начинает пить около полудня. Но только пиво, как он сразу предупредил. Так что я купил упаковку из шести банок, и мы поехали. Та забегаловка настоящая помойка. По его словам, Пили в ней завсегдатай.

- Так ты уже осушил несколько банок? Может, за руль лучше сяду я?

- Только одну, Босс. Потягивал из нее, пока не нагрелась. А вот Епископ выпил три сразу. Холодными.

- И мы верим такому парню?

- Я просто выполняю свою работу. С одной стороны, он заслуживает доверия, потому что прожил здесь всю жизнь и всех знает. С другой, он такое трепло, что ничему не хочется верить.

- Посмотрим.

Я закрываю глаза и пытаюсь вздремнуть. В разгар процесса, где рассматривается дело об убийстве, сон является недоступной роскошью, и я научился перехватывать хотя бы по чуть-чуть, как только подворачивалась такая возможность. Я отключился на десять минут во время обеда, устроившись на жесткой скамье в пустом зале суда, а в три ночи мерил шагами убогий номер в мотеле. Я часто отрубаясь на середине фразы, когда за рулем сидит Напарник

и фургон с ровным урчанием мчится вперед.

В какой-то момент возвращения в нашу цивилизацию я проваливаюсь в темноту.

6

Сегодня третья пятница месяца, по этим дням я регулярно хожу на свидание, если совместную выпивку пары бокалов можно считать таковым. Оно больше похоже на визит к стоматологу для чистки зубного канала. Дело в том, что при других обстоятельствах эта женщина не стала бы встречаться со мной даже под дулом пистолета, и я разделяю ее чувства. Но тут есть своя предыстория. Мы встречаемся в том же баре и в той же кабинке, где впервые вместе ужинали, правда, совсем в другой жизни. Ностальгия тут ни при чем, просто так удобно нам обоим. Это корпоративный бар в центре Города, один из многих в целой сети, но тут уютно, а по вечерам в пятницу и довольно оживленно.

Джудит Уитли приходит первой и занимает кабинку. Я появляюсь через несколько минут, пока она еще не успела разозлиться. Она никогда и никуда не опаздывает и считает опоздания признаком слабости. Таких признаков, по ее мнению, у меня множество. Она тоже адвокат – и своим знакомством мы обязаны нашей профессии.

– Ты выглядишь усталым, – говорит она без тени сострадания. Признаки усталости заметны и на ее лице, но в свои тридцать девять она по-прежнему потрясающе красива. Каждый раз, когда вижу ее, я понимаю, почему когда-то буквально потерял голову.

– Спасибо, а ты, как всегда, великолепна.

– Спасибо.

– Всего десять дней, а силы уже на исходе.

– Есть подвижки? – спрашивает она.

– Пока нет.

Она в общих чертах знакома с делом Гарди и процессом, и она знает меня. Если я считаю его невиновным, то для нее этого достаточно. Но у нее есть свои клиенты, из-за которых приходится переживать и терять сон. Мы заказываем напитки: она – традиционный бокал белого вина, а я – коктейль из виски с лимонным соком.

Мы выпьем по паре бокалов меньше чем за час и расстанемся до следующего месяца.

– Как дела у Старчера? – спрашиваю я.

Я не теряю надежды, что в один прекрасный день смогу произнести идиотское имя своего сына без ненависти, но этот день еще не настал. В свидетельстве о рождении я указан отцом, но, когда сын родился, меня не было рядом. Поэтому имя ребенку Джудит выбирала исключительно на свой вкус. Оно больше похоже на фамилию и совсем не подходит для имени.

– У него все хорошо. – Она говорит с апломбом, потому что вовлечена в жизнь ребенка полностью, а я совсем никак. – На прошлой неделе я встречалась с его учительницей, и она довольна его успехами. Она считает, что он нормальный ученик второго класса, который бойко читает и радуется жизни.

– Приятно слышать, – замечаю я.

Ключевым словом тут является «нормальный» – из-за наших обстоятельств. Старчер растет в необычных условиях. Половину времени он проводит с Джудит и ее нынешним «партнером», а другую – с ее родителями. Из больницы она забрала Старчера в квартиру, где жила с Гвинет, женщиной, ради которой оставила меня. Затем они три года пытались официально усыновить Старчера, но я бился с ними как бешеный зверь. Я ничего не имею против усыновления детей гей-парами. Но Гвинет я не выносил на дух. И оказался прав. Вскоре после этого они расстались, причем с жутким скандалом, чем я безмерно наслаждался, наблюдая со стороны.

Мы оба тяготимся обществом друг друга. Приносят напитки, и мы даже не чокаемся со словами «Твое здоровье!». Пустая трата времени. Мы хотим выпить

как можно скорее.

– Моя мать приезжает в Город на будущие выходные и хотела бы повидать Старчера. Как-никак он ее единственный внук, – сообщаю я ужасную новость.

– Мне это известно, – огрызается она. – Эти выходные – твои. Можешь делать все, что угодно.

– Это так, но у тебя есть талант все усложнять. Я просто не хочу никаких проблем, вот и все.

– Твоя мать и есть настоящая проблема.

С этим трудно не согласиться, и я обреченно киваю. Сказать, что Джудит и моя мать возненавидели друг друга с первого взгляда, значит не сказать ничего. Причем ненависть была настолько сильной, что мать обещала вычеркнуть меня из завещания, если я женюсь на Джудит. В то время меня уже начинали одолевать серьезные сомнения насчет наших отношений и будущего, но эта угроза стала последней каплей. Хотя я и желаю матери прожить до ста лет, но ее состояние для меня – вопрос отнюдь не тривиальный. Парню с моими доходами нужна мечта. Все дело в том, что мать часто использует завещание как инструмент шантажа детей. Моя сестра вышла замуж за республиканца и была вычеркнута из завещания. Два года спустя республиканец, который на самом деле оказался хорошим парнем, стал отцом самой чудесной внучки на свете. Так что теперь моя сестра опять фигурирует в завещании, во всяком случае, мы так думаем.

Как бы то ни было, я уже собирался порвать с Джудит, когда она сообщила убийственную новость о своей беременности. Я полагал, что отцом являлся я, хотя и не решился задать столь провокационный вопрос. Позже я узнал жестокую правду о том, что она уже встречалась с Гвинет. Это был настоящий удар под дых, по-другому и не скажешь. Наверное, по каким-то признакам можно было догадаться, что моя возлюбленная – лесбиянка, однако я ничего такого не замечал.

Мы поженились. Мама сказала, что изменила завещание и я не получу ни цента. Мы с горем пополам прожили вместе пять несчастных месяцев, потом еще пятнадцать просто числились супругами, после чего расстались, чтобы не

тронуться умом окончательно и бесповоротно. Старчер появился на свет в самый разгар нашей войны и с рождения стал боевой потерей, а мы с его матерью по-прежнему продолжаем вести прицельный огонь друг по другу. Ритуал ежемесячной встречи в баре – вынужденное проявление цивилизованности.

Полагаю, дорогая мама снова включила меня в завещание.

– И чем мамуля намеревается заняться с моим ребенком? – спрашивает она.

Она никогда не называет его «нашим» ребенком. Она никогда не могла удержаться от мелких колкостей и дешевых приемов, больше приличествующих студентам. Она бьет по больному месту, но делает это неумно. Не реагировать почти невозможно, но я научился сдерживаться и просто прикусываю язык. Он уже весь покрыт шрамами.

– По-моему, они пойдут в зоопарк.

– Она всегда водит его в зоопарк.

– А что в этом плохого?

– После прошлого раза ему снились кошмары с питонами.

– Ладно, я попрошу сводить его куда-нибудь еще.

Она уже создает проблемы. Что плохого в том, чтобы сходить с нормальным семилетним мальчиком в зоопарк? Я не понимаю, почему наши встречи проходят так, а не по-другому.

– Как дела в конторе? – спрашиваю я. Мое любопытство сродни тому, что проявляется при автомобильной аварии. Устоять просто невозможно.

– Нормально, – отвечает она. – Обычная суета.

– Вам надо взять на работу мужчин.

– У нас хватает проблем и без них.

Официантка замечает, что наши бокалы пусты, и идет за новой порцией выпивки. С первой мы всегда разделяемся быстро.

Джудит – одна из четырех партнеров юридической фирмы, в которой работают десять женщин: все – воинствующие лесбиянки. Фирма специализируется на нарушении законодательства в отношении геев в сфере занятости, жилья, образования, здравоохранения, к этому в последнее время добавились и гей-разводы. Они хорошие юристы, жесткие переговорщики и решительные оппоненты в судебном процессе, всегда агрессивные и часто фигурирующие в новостях. Фирма позиционирует себя как объявившую войну обществу и никогда не отступающую. Однако внешние битвы куда менее кровопролитны, чем внутренние разборки.

– Я мог бы поступить к вам старшим партнером, – говорю я, пытаюсь пошутить.

– Ты не протянешь там и десяти минут.

Выдержать там хоть десять минут не способен ни один мужчина. Фактически мужики шарахаются от них как от прокаженных. При одном лишь упоминании фирмы бросаются врассыпную. А то и сразу сигают с моста.

– Наверное, ты права. А ты никогда не скучаешь по сексу с противоположным полом?

– Послушай, Себастиан, ты правда хочешь поговорить о сексе с представителем другого пола после неудачного брака и рождения нежеланного ребенка?

– Мне такой секс нравится. А тебе он когда-нибудь нравился? Мне кажется, что да.

– Я притворялась.

– Нет, не притворялась. И, насколько я помню, ты была восхитительна.

Я знаю двух парней, с которыми она спала до моего появления. А потом сбежала к Гвинет. Я часто задавался вопросом: неужели я был так плох в постели, что вынудил ее сменить ориентацию? Не думаю. Должен признать, у нее отличный вкус. Я ненавижу Гвинет, ненавижу до сих пор, но она, с ее внешностью, могла запросто остановить движение на любой улице Города. А ее нынешний партнер Эйва в свое время рекламировала дамское белье для местного универсального магазина. Я помню эту рекламу в воскресной газете.

Приносят напитки, и мы тут же тянемся к бокалам.

– Если ты хочешь поговорить о сексе, я уйду, – предупреждает она, но не злится.

– Извини. Послушай, Джудит, каждый раз, когда я тебя вижу, не могу не думать о сексе. Но это моя проблема, а не твоя.

– Обратись к доктору.

– Мне не нужен доктор. Мне нужен секс.

– Это что – предложение?

– А есть смысл?

– Нет.

– Так я и думал.

– У тебя сегодня есть бои? – спрашивает она, меняя тему, и я не возражаю.

– Есть.

– Знаешь, ты больной на всю голову. Это же такой жестокий вид спорта.

– Старчер говорит, что хочет посмотреть.

– Если ты возьмешь Старчера на бои без правил, то больше никогда его не увидишь.

– Успокойся, я пошутил.

– Может, это и шутка, но ты все равно больной.

– Спасибо. Лучше выпей. – Мимо нашей кабинки проходит изящная красивая азиатка в короткой обтягивающей юбке, и мы провожаем ее взглядами. – Ни фиги себе!

Алкоголь начинает действовать – на Джудит позже, потому что она больше зажата внутренне, и на ее лице впервые за вечер появляется улыбка. А может, и за всю неделю.

– Ты с кем-нибудь встречаешься? – спрашивает она уже значительно мягче.

– С нашей последней встречи ни с кем, – отвечаю я. – Весь в трудах.

Моя последняя подруга попрощалась со мной три года назад. Время от времени мне везет, и у меня бывают женщины, но сказать, что я нахожусь в поиске кого-то для серьезных отношений, значит погрешить против истины. Пауза в разговоре надолго затягивается, и мы этим тяготимся. Осушив бокалы до конца, мы снова возвращаемся к Старчеру, моей матери и следующим выходным, которых оба теперь боимся.

Мы вместе выходим из бара, сдержанно чмокаем друг друга в щеку и прощаемся. Галочка поставлена.

Когда-то я любил ее, потом по-настоящему ненавидел. Теперь Джудит мне почти нравится, и, если наши ежемесячные встречи продолжатся, мы даже можем подружиться. Мне этого хочется, потому что мне нужен друг, который будет понимать, что я делаю и зачем. И наш сын от этого только выиграет.

Я живу на двадцать пятом этаже дома в центре города, и из моих окон немного видно реку. Мне здесь нравится из-за тишины и спокойствия. Если кому-то захочется взорвать или сжечь мою квартиру, то сделать это, не причинив вреда всему зданию, будет очень непросто. В центре Города не совсем благополучно с преступностью, так что мы живем в окружении видеокамер и вооруженных охранников. Я чувствую себя в безопасности.

Мою прежнюю двухуровневую квартиру на первом этаже изрешетили пулями, а пять лет назад сожгли офис, бросив в него бутылку с зажигательной смесью. Злоумышленников так и не удалось ни поймать, ни даже установить их личности, но я уверен, что полицейские не особо старались. Как я уже говорил, специфика моей работы вызывает ненависть у многих, и есть люди, желающие причинить мне страдания. Кое-кто из них носит полицейский жетон.

В квартире площадью тысячу квадратных футов имеются две небольшие спальни, еще меньших размеров кухня, которая используется редко, и гостиная, где с трудом размещается единственный ценный для меня предмет мебели. Я не уверен, что старинный бильярдный стол можно отнести к предметам мебели, но это моя квартира, и я буду называть все, что там есть, так, как мне хочется. В длину он девять футов, с классическим соотношением сторон 2:1, и был изготовлен в 1884 году бостонской компанией «Оливер Л. Бриггс». Я выиграл его благодаря одному судебному процессу, оплатил полную реставрацию, а затем тщательную повторную сборку и установку прямо посреди моего логова. В обычные дни или когда мне не приходится коротать ночи в дешевых мотелях, надеясь избежать смерти, я нередко катаю шары и могу тренироваться часами. Игра в пул против самого себя – это и отдых, и снятие стресса, и дешевая терапия. Она возвращает меня в далекое прошлое, когда я, будучи старшекласником, постоянно околачивался в заведении под названием «Вешалка» – местном бильярдном зале, чья история насчитывает несколько десятилетий. Это старомодный бильярдный зал с рядами столов, над которыми вечно висят клубы дыма, с плевательницами, дешевым пивом, мелкими ставками и клиентурой, не привыкшей к церемониям, но и не выходящей за рамки. Хозяин и мой старый друг – его зовут Кэрли – всегда на посту и присматривает за порядком.

Когда меня мучает бессонница, а голова отказывается соображать, я часто отправляюсь в «Вешалку», где в два часа ночи катаю в одиночку шары, чувствуя себя совершенно счастливым, будто переместился в иной мир.

Но не сегодня. Я проскальзываю в квартиру на крыльях выпитого виски и быстро переодеваюсь в комплект для боев – джинсы, черную футболку и яркую блестящую желтую куртку с надписью «Тадео Запата» на спине, которая застегивается на талии и немного светится в темноте. Я стягиваю свои подернутые сединой волосы в тугий хвост. Меняю очки на пару в светло-голубой оправе. Потом надеваю бейсболку – тоже ярко-желтую, под цвет куртки, и с надписью «Запата» над козырьком. Я чувствую себя достаточно преобразившимся, чтобы не быть узнанным, и вечер должен пройти без эксцессов. Там, куда я направляюсь, толпу не интересуют сомнительные адвокаты. Там будет немало отморозков, тех, кто не в ладах с законом сейчас, или уже был в прошлом, или окажется в будущем, но их внимания я точно не привлеку.

Еще одна неприятная особенность моего образа жизни заключается в том, что мне часто приходится покидать квартиру в темное время суток, прибегая к маскировке: надевать разные кепки и даже фетровую шляпу, менять очки, убирать волосы.

Напарник подвозит меня к старой городской спортивной арене, что в восьми кварталах от моего дома, и высаживает в соседнем переулке. Перед входом толпятся люди. Из динамиков ревет рэп. По соседним зданиям лихорадочно шарят лучи прожекторов. Яркая бегущая строка рекламирует главную схватку и предшествующие ей «разогревающие» бои.

Тадео участвует в четвертом, последнем предварительном бое перед главным событием – боем супертяжеловесов, который и вызывает настоящий ажиотаж, поскольку фаворитом является безумный бывший игрок Национальной футбольной лиги, хорошо известный в округе. Вложив год назад в карьеру Тадео 30 тысяч долларов, я владею ее 25 процентами, и с тех пор он не проиграл ни разу. К тому же я ставлю на него на стороне, причем весьма успешно. Если он сегодня выиграет, его доля составит 6 тысяч долларов. В случае проигрыша он получит только половину этой суммы.

В коридоре где-то глубоко в недрах арены я слышу разговор двух охранников. Один говорит, что сегодня аншлаг. Пять тысяч болельщиков. Я показываю пропуск, и меня пропускают сначала через одну дверь, потом через другую. Я оказываюсь в темной раздевалке и сразу ощущаю напряжение, буквально висящее в воздухе. Сегодня нам выделена половина длинного зала. В мире смешанных единоборств карьера Тадео уверенно набирает обороты, и мы все

ощущаем, что стоим на пороге чего-то большого. Он лежит на животе в одних трусах, и в 130 фунтах его тела нет ни единой капли жира. Его двоюродный брат Лео массирует ему лопатки. Светло-коричневая кожа блестит от масла. Я обхожу комнату, останавливаясь поговорить с его менеджером Норберто, тренером Оскаром, а также братом и спарринг-партнером Мигелем. При разговоре со мной они улыбаются, потому что считают меня, одинокого гринго, человеком с деньгами. К тому же я агент, парень со связями и мозгами, который может помочь Тадео попасть на чемпионат боев без правил, если он продолжит выигрывать. На заднем плане маячит еще пара его родственников, по сути иждивенцев, не играющих в жизни Тадео никакой роли. Мне не нравится их присутствие, потому что рано или поздно они наверняка попросят за это денег, но после семи побед подряд Тадео считает, что ему нужна свита. Они все так считают.

За исключением Оскара, все они члены одной уличной банды среднего пошиба, которая состоит из сальвадорцев, торгующих кокаином. Тадео приняли в банду, когда ему исполнилось пятнадцать, но он никогда не стремился выйти в ней на первые роли. Он нашел старые боксерские перчатки, тренажерный зал, и вдруг выяснилось, что у него необыкновенно быстрые руки. Его брат Мигель тоже боксировал, но не так хорошо. Мигель руководит бандой, и на улице у него скверная репутация.

Чем больше Тадео выигрывает боев и зарабатывает, тем сильнее меня тревожит его связь с бандой.

Я наклоняюсь и тихо спрашиваю:

- Как дела у моего парня?

Он открывает глаза, смотрит на меня и неожиданно улыбается, вытаскивая наушники. Потом выпрямляется и садится, резко заканчивая массаж. Мы немного болтаем, и он уверяет, что готов кого-нибудь убить. Молодчина! Его подготовка к бою включает отказ от бритья в течение недели, и неопрятная борода вкуче с копной черных волос напоминают мне великого Роберто Дурана[2 - Роберто Дуран (р. 1951) - панамский боксер-профессионал, признанный лучшим легковесом XX в.]. Но корни Тадео в Сальвадоре, а не Панаме. Ему двадцать два года, он гражданин США и по-английски говорит почти так же хорошо, как и по-испански. У его матери с документами тоже полный порядок. Она работает в кафе, живет в квартире, полной детей и

родственников, и мне кажется, все, что зарабатывает Тадео, делится между очень и очень многими.

При каждом общении с Тадео я радуюсь, что не должен ему противостоять на ринге. У него свирепые черные зрачки, в которых читается: «Устрой мне беспредел. Покажи мне кровь». Он вырос на улице и дрался со всеми, кто подходил слишком близко. Старший брат Тадео умер от удара ножом, и он боится тоже умереть. Когда выходит на ринг, он убежден, что дело закончится смертью, но только не его. Он три раза проиграл по очкам, но до сих пор никому не удалось его вырубить. Он тренируется по четыре часа в день и близок к достижению вершин мастерства в джиу-джитсу.

Тадео говорит низким голосом, медленно роняя слова: обычный мандраж перед боем, когда от страха путаются мысли и сосет под ложечкой. Мне это знакомо. Я через это проходил. Давным-давно я участвовал в любительском боксерском турнире «Золотые перчатки» и провел пять поединков. Я проиграл четыре и победил в одном, когда о моей тайной карьере узнала мать и милосердно положила ей конец. Но я прошел через это. У меня хватало мужества выходить на ринг и получать по полной.

Однако мне трудно представить, какую твердость духа надо иметь, чтобы заставить себя войти в клетку с другим бойцом, который находится в блестящей форме, искусен, натренирован, голоден, свиреп и напуган. И думает только о том, как тебя искалечить, как вырвать плечо из сустава, размозжить колено, пустить кровь или вырубить ударом в челюсть. Вот почему я люблю смешанные единоборства. Они требуют больше личного мужества и отваги, чем любой другой вид спорта, с тех далеких времен, когда гладиаторы сражались насмерть. Понятно, что горные лыжи, футбол, хоккей, бокс, автомобильные гонки тоже опасны. А на скачках ежегодно погибает больше людей, чем в любом другом виде спорта. Но там спортсмены не идут сознательно на то, что им заведомо причинят боль. В клетку же входят, зная, что будет очень больно, что бой будет безобразным и, не исключено, даже смертельным. Очередной раунд может запросто оказаться последним в жизни.

Вот почему последние минуты, оставшиеся до поединка, самые мучительные. Они тянутся бесконечно долго, заставляя бойца прилагать все силы, чтобы справиться с нервами и страхом. Нет ничего хуже ожидания. Немного поболтав с Тадео, я оставляю его одного, чтобы он мог настроиться. Он как-то рассказывал мне, что может представить себе бой и то, как поверженный противник лежит

на полу весь в крови и молит о пощаде.

Я пробираюсь сквозь лабиринт коридоров в чреве арены и слышу, как ревет толпа, жаждущая крови. Нахожу нужную дверь, толкаю ее и оказываюсь в небольшом кабинете, захваченном моей собственной маленькой уличной бандой. Мы встречаемся перед боями и делаем ставки. Нас шестеро, членство для остальных закрыто, чтобы не допустить утечек. Кто-то среди нас пользуется своим настоящим именем, кто-то вымышленным. Слайд одевается как уличный сутенер и отсидел срок за убийство. Нино – средней руки поставщик метамфетамина, отсидевший за наркоторговлю. У Джонни (пока) нет судимости, и он получает половину доходов бойца, с которым сегодня предстоит сразиться Тадео. У Денардо, по его словам, имеются связи с мафией, но я сомневаюсь, что его преступная деятельность так хорошо организована. Он мечтает о бизнесе, связанном со смешанными боевыми единоборствами, и жизни в Лас-Вегасе. Самый старый из нас, Фрэнки, местный завсегда тай боев без правил со стажем в несколько десятилетий. Он не скрывает, что на схватках в клетке ценит насилие, а старомодный бокс навевает на него скуку.

Вот такая компания. С этими жуликами я бы ни за что в жизни не решился заключить законную сделку, но тут другой случай, с законностью никак не связанный. Мы изучаем программку и начинаем делать ставки. Я знаю, что Тадео не оставит от бойца Джонни и мокрого места, и понятно, что Джонни нервничает. Я предлагаю поставить пять тысяч долларов на то, что Тадео победит, но желающих принять ставку нет. Предлагаю три тысячи – результат тот же. Я пытаюсь их раззадорить, начинаю стыдить, ругаться – все без толку: они знают, что Тадео сильнее. Джонни понимает, что какую-то ставку сделать должен, и мне удается уговорить его поставить четыре тысячи на то, что его подопечный протянет больше двух раундов. Денардо такая ставка тоже прельщает, и он ставит на это свои четыре тысячи. Мы все записываем, и Фрэнки, наш секретарь, скрепляет сделку. Я покидаю комнату, поставив в общей сложности двенадцать тысяч в четырех разных поединках. По окончании боев мы встретимся в этой же комнате и рассчитаемся, причем исключительно наличными.

Бои начинаются, и я слоняюсь по залу, чтобы убить время. В раздевалке напряжение уже такое, что я не могу там находиться до наступления часа икс. Я знаю, что Тадео сейчас лежит на столе под толстым одеялом, молится Богородице и слушает непристойный латинский рэп. Помочь там я ничем не могу, поэтому нахожу себе место на верхнем ярусе высоко над рингом и смотрю

бои. Сегодня действительно аншлаг, и болельщики орут и беснуются. У некоторых, включая меня, бои без правил пробуждают дикие инстинкты, и все мы здесь только для того, чтобы полюбоваться, как один боец рвет на части другого. Мы хотим видеть залитое кровью лицо, кровавые слезы и удушающие захваты, хотим слышать хруст ломающихся костей и восхищаться жестокими нокаутирующими ударами, после которых секунданты бросаются за доктором. Добавьте к этому реку дешевого пива, и вы получите пять тысяч маньяков, жаждущих насилия и крови.

Наконец я направляюсь обратно в раздевалку, где теперь царит оживление. Первые два боя завершились быстрыми нокаутами, и время поединка стремительно приближается. Норберто, Оскар и Мигель надели такие же, как у меня, светящиеся желтые куртки, и команда Запаты готова проделать долгий путь к клетке. Я буду находиться в углу вместе с Норберто и Оскаром, хотя моя роль и не так важна. Я должен поить Тадео водой, пока Норберто будет выкрикивать ему наставления на самом быстром на свете испанском. Оскар займется обработкой ран на лице, если таковые появятся.

Едва мы попадаем в зал, как все вокруг расплывается, теряя четкие очертания. Вдоль всего прохода пьяные болельщики тянутся к Тадео и выкрикивают его имя. Полицейские расчищают нам путь. От рева лопаются барабанные перепонки, но все это не из-за Тадео. Зрителям нужно больше, они жаждут еще одной схватки, и желательно со смертельным исходом.

У входа в клетку служитель проверяет перчатки Тадео, наносит ему на лицо масло и дает отмашку. Диктор объявляет его имя, и наш подопечный уже пританцовывает в ярко-желтых трусах и халате. Сегодняшний противник Тадео известен как «Шакал», его настоящее имя неизвестно, да это и не важно. Он мастер по болевым приемам – высокий белый парень, не особо мощный на вид, но внешность обманлива. Я трижды видел его бои: он хитер и коварен, хорошо обороняется и стремится перевести противника в партер. Своего последнего соперника он так скрутил в узел, что тот завопил о пощаде. Сейчас я испытываю к Шакалу только ненависть, но в глубине души я им безмерно восхищаюсь. У любого человека, у которого хватает духу подняться в клетку, на порядок больше мужества, чем у обычных людей.

Удар гонга возвещает о начале первого раунда – трех минутах ярости. Тадео тут же бросается вперед и наносит боксерский удар рукой, Шакал ставит блок. Первую минуту оба обмениваются ударами, а затем входят в клинч – у обоих

никаких повреждений. Я ору изо всех сил вместе с остальными пятью тысячами зрителей, хотя понятия не имею почему. Толку от советов абсолютно никакого, тем более что Тадео их все равно не слышит. С глухим стуком они оба падают на мат, и Шакалу удается захватить Тадео в «ножницы». На долгую минуту все действие замирает, и мы, затаив дыхание, смотрим, как наш боец корчится и извивается, пытаясь освободиться из захвата. Наконец ему это удается, и он наносит резкий прямой левой Шакалу в нос. Появилась кровь. Понятно, что Тадео лучше, но ему достаточно допустить всего одну ошибку, и его рука окажется вывернутой так, что следующим движением ее запросто сломают. Между раундами Норберто выплескивает поток инструкций, но Тадео не слушает. Он знает о боях куда больше любого из нас и уже разобрался в противнике. При ударе гонга, возвещающем о втором раунде, я хватаю его за руку и кричу в ухо:

- Выруби его в этом раунде, и получишь еще две тысячи.

Это Тадео слышит.

Первый раунд Шакал проиграл, так что, подобно многим бойцам, пытается наверстать упущенное активностью во втором. Он стремится сблизиться, чтобы вцепиться в противника мертвой хваткой и обездвижить своими жилистыми руками, но Тадео его уже раскусил и отлично читает все его мысли. Через тридцать секунд он проводит классическую серию «левой-правой-левой» и усаживает соперника на пятую точку. Но затем совершает типичную дурацкую ошибку и бросается на Шакала, будто пикирующий бомбардировщик, желающий добить жертву. Шакал успевает встретить его жестоким ударом правой ноги чуть выше промежности. Тадео остается на ногах, но Шакал поднимает, и несколько секунд оба приходят в себя, не двигаясь. Наконец они снова начинают кружить по рингу.

Тадео обретает свой привычный боксерский ритм и принимается обрабатывать Шакала короткими прямыми ударами, которые тот пропускает. Он рассекает ему правую бровь и методично целит именно в эту точку. У Шакала есть излюбленный прием, когда он имитирует крюк левой, а сам низко приседает, чтобы сделать захват, но он пытался его проделать слишком часто. Тадео давно его раскусил и, дождавшись нужного момента, исполняет свой лучший удар – слепой, локтем с разворота. Для такого приема необходимы стальные нервы, потому что на долю секунды нужно повернуться к противнику спиной. Но у Шакала не такая быстрая реакция, и правый локоть Тадео с силой обрушивается

ему в челюсть тоже справа. Точка! Шакал отключился еще до того, как рухнул на пол. Правила позволяют Тадео добить его несколькими ударами в лицо, но зачем? Он просто стоит в центре ринга с поднятыми руками и смотрит вниз, любуясь на свою работу: Шакал лежит неподвижно, будто мертвый. Судья быстро останавливает бой.

Несколько минут мы с тревогой наблюдаем, как его пытаются вернуть к жизни. Толпа ждет носилки, ей нужна жертва, о которой можно будет рассказать на работе, но Шакал в конце концов приходит в себя и начинает говорить. Он садится, и мы с облегчением переводим дух. Или пытаемся. Не так-то просто обрести душевное равновесие после такого яростного действия, если его исход вам безразличен, а пять тысяч маньяков топают ногами.

Шакал с трудом поднимается на ноги, а маньяки недовольно свистят и улюлюкают. Тадео подходит к нему, говорит что-то ободряющее, и они обнимаются.

Мы покидаем клетку, я следую за Тадео и с улыбкой наблюдаю, как он приветственно бьет перчаткой по протянутым ладоням своих поклонников, купаясь в лучах славы после очередной победы. Он допустил ряд глупых ошибок, которые более опытный соперник наверняка бы не простил, но в целом этот бой можно смело занести ему в актив. Я стараюсь насладиться моментом, думаю о будущем и новых доходах: не исключено, что найдутся и новые спонсоры, готовые раскошелиться. Тадео – четвертый боец, в чью карьеру я вложил деньги, и первый, кто окупился.

Мы уже выходим из зала и собираемся спуститься в тоннель, как вдруг неожиданно раздается громкий женский крик:

– Мистер Радд! Мистер Радд!

До меня не сразу доходит, что обращаются именно ко мне, поскольку в этой толпе узнать меня просто невозможно. Длинные волосы убраны, на носу другие очки, сам я в дурацкой желтой куртке официальной команды Запаты, а на голове – командная бейсболка, похожая на те, что носят дальнобойщики и рэперы. Я замедляю шаг и, обернувшись, вижу, как ко мне пробирается крупная особа лет двадцати пяти с фиолетовыми волосами, пирсингом и огромным бюстом, едва вмещающимся под обтягивающей футболкой – типичная

любительница боев без правил. Я удивленно ее оглядываю, и она снова произносит:

- Мистер Радд. Вы ведь мистер Радд, адвокат?

Я киваю. Она подходит на шаг ближе и говорит:

- Моя мать в жюри присяжных.

- В каком еще жюри? - спрашиваю я настороженно. В данный момент у меня только одно жюри.

- Мы из Майлоу. Суд над Гарди Бейкером. Моя мать в жюри.

Я кивком показываю налево, и через несколько мгновений мы уже шагаем по узкому коридору, зажатому вибрирующими стенами.

- Как ее зовут? - интересуюсь я, внимательно оглядывая всех прохожих.

- Глинна Ростон, присяжная номер восемь.

- Понятно.

Я знаю имя, возраст, расу, место работы, образование, семью, адрес, брачный анамнез, опыт участия в жюри и наличие судимостей, если таковые имеются, каждого присяжного. Я сам участвовал в их отборе. Кое-кто меня устраивал, но большинство - нет. Последние две недели я сидел с ними в переполненном зале суда и действительно от них устал. Думаю, что знаю их политические пристрастия, религиозную принадлежность, склонности и представления об уголовном правосудии. И поскольку мне известно так чертовски много, я не сомневаюсь, что они заняли места на скамье для присяжных, уже решив для себя вынести Гарди Бейкеру смертный приговор.

- И что Глинна думает о происходящем? - осторожно интересуюсь я.

На ней мог быть спрятан микрофон. Меня уже ничего не удивит.

- Она думает, что все они банда врунов.

Мы по-прежнему медленно идем, никуда конкретно не направляясь и не решаясь посмотреть друг другу в глаза. Я не верю своим ушам. Наблюдая за Глинной Ростон в зале суда и зная, чем она дышит, я не сомневался, что она первой будет кричать: «Виновен!»

Я оборачиваюсь посмотреть, нет ли кого-нибудь рядом, и говорю:

- Что ж, она разумная женщина, потому что они действительно врут. И никаких доказательств у них нет.

- Ей передать это?

- Мне все равно, что вы ей скажете, - отвечаю я и снова оглядываюсь по сторонам, пропуская тяжеловеса, направляющегося на арену со своей свитой. Я поставил две тысячи на этого парня. Сегодняшний вечер принес мне шесть тысяч, и это не могло не радовать. И, в довершение ко всему, я узнал потрясающую новость, что не все присяжные по делу Гарди Бейкера тупоголовые кретины.

- А она одна так считает или есть и другие?

- Она говорит, что они не обсуждают процесс.

При этих словах меня разбирает смех. Если она не обсуждает, то откуда ее дочурке знать, что она думает? В данный момент я нарушаю правила этики и, возможно, уголовный кодекс. Это называется несанкционированным контактом с присяжным заседателем, и хотя он и не совсем очевидный и иницирован не мной, но Коллегия адвокатов штата наверняка меня за это по голове не погладит. А судья Кауфман устроит настоящий скандал.

- Скажите ей, чтобы она стояла на своем, потому что они судят не того парня, - говорю я и ухожу.

Я не знаю, чего она хочет, и мне нечего ей сказать. Я мог бы потратить десять минут и указать на явные ляпы в доказательной базе обвинения, но, чтобы четко

донести это до матери, ей нужно все это осмыслить и переварить. Черта с два! Эта подруга явилась сюда полюбоваться на бои без правил.

Я спускаюсь по ближайшей лестнице на этаж ниже и, убедившись, что остался один, ныряю в туалет и прокручиваю в голове наш разговор. Я по-прежнему не могу в это поверить. Жюри, как и весь город, признало моего клиента виновным на следующий день после его ареста. А Глинна Ростон является типичной представительницей населения Майлоу – необразованная и недалекая, мечтающая стать героиней своей общины во времена тяжелых испытаний. Утро понедельника обещает стать интересным. У меня будет возможность посмотреть на скамейку присяжных, когда начнется допрос свидетелей. До сих пор Глинна не боялась смотреть мне прямо в глаза. Ее взгляд должен что-то выдать, хоть я и не представляю, что именно.

Я выбрасываю это из головы и возвращаюсь к реальности. Бой супертяжеловесов длится уже сорок секунд, и боец, на которого я поставил, пока держится. Я с нетерпением жду момента, когда наша маленькая компания вновь воссоединится. Мы встречаемся в той же темной комнате, запираем дверь и обсуждаем бои, не стесняясь в выражениях. Затем, все шестеро, вытаскиваем из карманов наличку. У Фрэнки есть все записи о сделанных ставках, поэтому никаких споров не возникает. Я выиграл восемь тысяч, из которых две пойдет Тадео в качестве обещанного бонуса. Я верну эту сумму из выплат от сборов, которые причитаются ему от организаторов боя. И официально укажу ее как полученный доход для уплаты налогов – выигрыш от ставок нигде указан не будет.

Тадео заработал восемь тысяч – триумфальный вечер, позволяющий ему увеличить свою свиту еще на одного человека. Он оплатит кое-какие счета, отдаст деньги на содержание семьи и не оставит никаких сбережений. Я пытался его вразумить, но это бесполезно.

Я наведываюсь в раздевалку, отдаю ему две тысячи, признаюсь в любви и покидаю арену. Мы с Напарником находим тихий бар и заказываем себе выпивку. Чтобы успокоиться, одного стакана мне точно мало. Когда находишься так близко к действию и твоего бойца вот-вот вырубят или покалечат, а вокруг истошно орут пять тысяч дебилов, сердце готово выскочить из груди, живот сводит спазмом, а нервные окончания обнажаются и саднят. Выброс адреналина такой, что невозможно описать словами.

Джек Пили – бывший бойфренд матери двух сестренок Фентресс. Их отец сбежал задолго до их убийства, а у матери всегда была открыта дверь для местных ходоков и всякого отребья. Пили продержался около года, а потом получил отставку, когда мать девочек познакомилась с продавцом подержанных тракторов, у которого водились деньжата и имелся дом без колес. Она переехала к нему, оставив Пили с разбитым сердцем. Он был последним человеком, которого видели возле девочек, когда они исчезли. В самом начале я поинтересовался в полиции, почему его не рассматривали в качестве подозреваемого или, по крайней мере, не провели расследование, но получил сомнительный ответ, что преступник уже найден. Гарди сидел за решеткой и давал признательные показания.

У меня есть очень даже обоснованное подозрение, что Джек Пили убил девочек из мести. И если бы полицейские не зациклились на Гарди, они бы в конечном счете наверняка допросили Пили. Однако Гарди со своей пугающей внешностью и сатанинскими наклонностями, да к тому же подозревавшийся в сексуальных извращениях, стал явным фаворитом, и в Майлоу это всех устраивало.

По словам Епископа, опиравшегося на свои источники среди всякого сброда, Пили почти каждый субботний вечер коротает в забегаловке под названием «Блю-энд-Уайт». Она расположена примерно в миле к востоку от Майлоу и сначала была стоянкой для грузовиков, а теперь там обычный захудалый притон для работяг с дешевым пивом, бильярдом и живой музыкой по выходным.

Около десяти вечера в субботу мы тихонько подруливаем к покрытой гравием парковке, до отказа забитой пикапами. Мы приехали тоже в пикапе – арендованном «додже» с большими колесами. Он, правда, выделяется своей блестящей краской, но виноваты в этом не мы, а фирма «Херц» по прокату автомобилей. За рулем сидит Напарник, пытающийся выдать себя за работягу. Ради этого он сменил неизменный черный костюм на джинсы и футболку, однако больше похож на работягу все равно не стал.

– Пора, – говорю я с переднего сиденья.

Тадео и Мигель спрыгивают с заднего сиденья и неторопливо заходят в забегаловку. Там их встречает вышибала, желающий получить по десять долларов с каждого за охрану, и обводит неодобрительным взглядом. В конце концов, это всего лишь латиносы с чуть более темной кожей. Во всяком случае, не черные. По словам Епископа, в «Блю-энд-Уайт» еще стерпят несколько мексиканцев, но черное лицо вызовет настоящий бунт. Но об этом беспокоиться не стоит. Заглянуть в такую дыру не придет в голову ни одному здравомыслящему чернокожему.

Впрочем, драки им все равно не избежать. Тадео и Мигель заказывают пиво в переполненном баре и довольно быстро растворяются среди местной публики. Кое-кто смотрит на них косо, но пока все спокойно. Если бы эти жирные пьяные работяги только знали, что Тадео меньше чем за минуту может запросто вырубить пять человек, а его брат и спарринг-партнер Мигель – четверых! Минут через пятнадцать Тадео, хорошенько осмотревшись, подзывает бармена и говорит на безупречном английском:

– Послушай, мне надо вернуть деньги парню по имени Джек Пили, но боюсь, что не узнаю его.

Бармен, оторвавшись от хлопот, кивает на ряд кабинок возле бильярдного стола:

– Третья кабинка, парень в черной бейсболке.

– Спасибо.

– Нет проблем.

Они заказывают еще пива и тянут время. В кабинке с Пили сидят две женщины и мужчина. Стол заставлен пустыми бутылками, и все четверо хрустят жареным арахисом. В «Блю-энд-Уайт» принято сплевывать скорлупу на пол. В дальнем конце начинает играть группа, и несколько пар пробираются поближе к ним. Судя по всему, Пили явно не любитель танцев. Тадео посылает мне эсэмэску: «ДжП найден. Ждем».

Они продолжают ждать. Мы с Напарником сидим и тоже ждем, оба на взводе от волнения. Кто знает, чем может закончиться драка в зале, забитом пьяными

идиотами, половина из которых члены Национальной стрелковой ассоциации?

Пили с дружкой направляются к бильярдному столу и готовятся сыграть. Их женщины остаются в кабинке, угощаясь арахисом и потягивая пиво.

– Пора, – говорит Тадео и отходит от бара.

Он протискивается между двумя бильярдными столами и, точно рассчитав момент, с силой налетает на Пили, который спокойно натирает мелом кий.

– Какого черта! – с побагровевшим лицом возмущенно кричит тот, собираясь отлупить наглого мексиканца.

Но пока он только замахивается кием, Тадео проводит свою коронную серию из трех стремительных ударов, за которыми не успевает глаз.левой-правой-левой, и каждый удар нацелен в бровь, где легче всего рассечь кожу и пустить кровь. Пили с грохотом валится на землю, вырубленный надолго. Женщины кричат, и в зале начинается обычная при драке суматоха. Друг Пили реагирует не сразу, но все-таки готовится проломить Тадео голову кием. Но тут вмешивается Мигель и сильно бьет его кулаком в основание черепа. Друг Пили присоединяется к своему приятелю на полу. Тадео для верности наносит Пили еще несколько ударов по лицу, а потом низко пригибается и пулей мчится к мужскому туалету. Над его головой пролетает бутылка и, ударившись о дверь, с брызгами разлетается на мелкие осколки. Мигель держится в шаге от него, а вслед им несутся рассерженные голоса. Они запирают дверь и выбирают через окно. Через несколько секунд они уже в пикапе, и мы спокойно отъезжаем.

– Есть, – нетерпеливо произносит Тадео с заднего сиденья и протягивает правую руку.

Она действительно вся в крови. В крови Пили. Мы останавливаемся, и я тщательно ее вытираю.

До Города мы добираемся уже после полуночи.

Изверг, убивший сестренку Фентресс, связал им щиколотки и запястья их же шнурами, а потом бросил в пруд. При вскрытии трупа Дженны был найден длинный черный волос, зацепившийся за шнурок, которым были связаны ноги. А у Дженны и Рэйли волосы были светлые. В то время длинные крашенные волосы Гарди еще были черными как смоль, хотя за месяц их цвет изменился, – неудивительно, что при анализе волос эксперт штата констатировал «совпадение». Уже целое столетие настоящим экспертам хорошо известно, что результаты экспертизы волос на редкость ненадежны. Однако при отсутствии лучших улик власти и даже ФБР нередко ею пользуются, чтобы добиться вынесения подозреваемому обвинительного приговора. Я просил судью Кауфмана провести анализ ДНК и сравнить этот волос с образцом волос Гарди, но он отказался. Сказал, что это слишком дорого. А ведь речь шла о жизни человека.

Когда я наконец получил разрешение осмотреть улики обвинения, а таковых, по сути, не было вовсе, мне удалось отрезать и незаметно изъять примерно три четверти дюйма этого черного волоса. Никто ничего не заметил.

Рано утром в понедельник я направил экспресс-почтой волос и образец крови Джека Пили в лабораторию ДНК в Калифорнии. За срочность придется выложить шесть тысяч. Но я готов на все, лишь бы найти настоящего убийцу.

10

Мы с Напарником мчимся в Майлоу, чтобы провести там еще одну изнурительную неделю – нас ждут потоки лжи. Мне не терпится посмотреть на присяжную номер восемь Глинну Ростон – не выдаст ли она своим поведением участия в закулисных играх. Но, как обычно и бывает, события развиваются совсем не так, как ожидалось.

Зал суда снова забит до отказа, и я с интересом разглядываю собравшуюся толпу. Сегодня одиннадцатый день слушаний, и Джули Фентресс, мать убитых близняшек, неизменно сидит в первом ряду сразу за прокурорским столом. Ее сопровождает группа поддержки, испепеляющая меня взглядом, будто я и есть тот самый ненавистный убийца.

Когда Тротс наконец прибывает, открывает портфель и начинает изображать деловитость, я наклоняюсь к нему и тихо говорю:

– Последи за присяжной номер восемь Глинной Ростон, только незаметно.

Незаметно у Тротса точно не получится, потому что он болван. По идее, он должен постоянно и скрытно наблюдать за присяжными, оценивать их реакцию, понимать жесты, следить, слушают ли они с интересом или раздражением, проделывать массу вещей, которым учишься в суде, пытаюсь понять настроения в жюри, но Тротс этим не озадачивался, потому как давным-давно самоустранился.

Гарди пребывает в относительно хорошем расположении духа. Он говорит, что ему нравится на суде, потому что здесь лучше, чем в камере. Его держат в одиночке, в которой даже не включают свет, поскольку никто не сомневается, что девочек убил именно он и страдать за содеянное должен начать уже сейчас. В выходные Гарди принял душ, отчего настроение у меня тоже приподнятое.

Мы ждем, когда явится судья Кауфман. В четверть десятого прокурора Гувера тоже еще нет на месте. Банда его помощников из гитлерюгенда хмурится больше обычного. Что-то происходит. Появляется пристав и шепотом сообщает мне на ухо:

– Судья Кауфман хочет видеть вас у себя в кабинете.

Похоже, это уже становится традицией. Мы бегаем в кабинет судьи, чтобы без посторонних разобраться с вопросом, который не хотим делать достоянием общественности. Но к чему такие игры? За пару недель я имел возможность не раз убедиться в том, что если Гувер захочет, чтобы все о чем-то узнали, то все обязательно узнают.

Я направляюсь прямо в западню. Тут уже находится судебный секретарь, готовая все зафиксировать. Судья Кауфман нервно разгуливает по кабинету в рубашке и галстук, а его мантия и пиджак висят на двери. Щеголеватый Гувер с мрачным видом стоит у окна. Пристав закрывает за мной дверь, и судья Кауфман бросает на стол какие-то бумаги.

– Прочитайте это!

– Доброе утро, судья, – говорю я с самым нахальным видом, на какой только способен. – Доброе утро, Гувер.

Они не отвечают. Это две страницы письменных показаний, данных под присягой, в которых заявитель, а в данном случае лгунья, утверждает, что в пятницу вечером столкнулась со мной на соревнованиях по смешанным единоборствам и что я обсуждал с ней судебный процесс и просил передать ее матери, являющейся присяжной, что у обвинения нет никаких доказательств и все его свидетели лгут. Показания подписаны Марлоу Уайлдфэнг в присутствии нотариуса.

– Все так и было, мистер Радд? – рычит он, едва сдерживаясь.

– Полагаю, что не совсем.

– Хотите изложить свою версию? – спрашивает он, явно не собираясь верить ни одному моему слову.

Гувер бормочет достаточно громко, чтобы все услышали:

– Подкуп присяжных заседателей в чистом виде.

На это я тут же огрызаюсь:

– Может, сначала выслушаете меня или хотите сразу вздернуть без всяких церемоний, как Гарди?

– Довольно! Прекратите, мистер Гувер, – говорит судья.

Я излагаю свою версию, рассказывая, как все было в действительности, не приукрасив ее ни единым словом. Я особо отмечаю, что никогда не был с ней знаком, ничего о ней не знаю – да и откуда? – что она сама намеренно меня разыскала, затеяла разговор, а затем тут же помчалась в Майлоу, чтобы покрасоваться на суде. Иногда, чтобы осудить убийцу, подключаются все, кому не лень.

Я тоже перехожу на крик:

– Она говорит, что это я инициировал контакт? Каким образом? Я не знаю эту женщину. Она знает меня, потому что была в зале суда и следила за процессом. Она могла меня узнать. А как я мог узнать ее? Что тут неясного?

На самом деле ничего неясного тут нет, но Гувер и Кауфман непоколебимы. Они убеждены, что им наконец-то удалось меня прищучить. Их ненависть ко мне и к моему клиенту настолько сильна, что помрачает рассудок.

Я не успокаиваюсь:

– Она все врет, понятно? Она все заранее продумала. Случайно встретилась со мной, затеяла разговор, потом подготовила письменное заявление под присягой, скорее всего, у вас в конторе, Гувер, и она врет! Это лжесвидетельство и неуважение к суду. Сделайте что-нибудь, судья!

– Я не нуждаюсь в том, чтобы мне указывали...

– Да ладно. Хоть раз оторвите свою задницу от кресла и сделайте то, что должны.

– Послушайте, мистер Радд, – говорит он, багровея и едва сдерживаясь, чтобы не ударить меня.

Теперь я хочу добиться признания судебного разбирательства неправильным из-за нарушения закона. Я хочу спровоцировать их на совершение какой-нибудь очевидной глупости.

– Я требую слушания. Удалите жюри из зала, вызовите эту молодую леди для дачи показаний и позвольте мне подвергнуть ее перекрестному допросу. Она хочет принять участие в суде, так пусть примет. А ее мать явно пристрастна, поэтому я требую убрать ее из жюри присяжных.

– Что вы ей сказали? – спрашивает судья.

– Я только что передал вам все слово в слово. Я сказал ей то же самое, что скажу в лицо любому: ваше дело построено исключительно на показаниях кучки лжецов и никаких заслуживающих доверия доказательств у вас нет. Точка!

– Вы спятили! – говорит Гувер.

– Я требую слушания! – Я уже не сдерживаюсь и ору во весь голос. – Я требую убрать эту женщину из жюри и не буду участвовать в процессе, пока ее не уберут.

– Вы мне угрожаете? – спрашивает Кауфман, видя, что ситуация стремительно выходит из-под контроля.

– Нет, сэр. Я предупреждаю. Я отказываюсь продолжать процесс.

– Тогда я отправлю вас за решетку за неуважение к суду.

– Я там уже был. Сделайте это, и у нас на руках будет судебное разбирательство с нарушением закона. Мы сможем начать все сначала через шесть месяцев и повторить этот праздник души.

Они не знают наверняка, действительно ли меня заключали под стражу, но готовы в это поверить. Отчаянные адвокаты вроде меня постоянно балансируют на грани нарушения этических норм. Для них заключение под стражу сродни награде за доблесть. Если я решил вывести судью из себя или унижить его, я это сделаю.

Несколько минут мы молчим. Судебный секретарь смотрит в пол, и, будь ее воля, она бы стремглав выскочила из кабинета, опрокидывая по пути стулья. Гувер пребывает в шоке от возможной кассации, от того, что его великий процесс будет подвергнут сомнению апелляционным судом и дело перенаправят на рассмотрение другим. Он вовсе не хочет пережить подобное хождение по мукам заново. А хочет он дождаться славного дня, когда поедет на машине, скорее всего с репортером, в тюрьму под названием «Большой перевозчик», где штат приводит в исполнение смертные приговоры. Он удостоится королевских почестей, потому что будет героем – таким бесстрашным ковбоем, поймавшим отвратительного убийцу Гарди Бейкера, добившимся признания его виновным и вынесения смертного приговора, что позволит жителям Майлоу вздохнуть с

облегчением. Ему выделяют место в первом ряду прямо перед занавеской, которую театрально отдернут, чтобы все увидели, как Гарди лежит на каталке с подсоединенными к венам трубками для смертельной инъекции. А потом у Гувера обязательно найдется время пообщаться с прессой, чтобы, хмурясь, рассказать о тяжелой ответственности, возлагаемой на него должностью прокурора. Еще ему придется присутствовать при казни, а в нашем скором на расправу штате это даже хуже, чем дожить до тридцати лет девственником. «Штат против Гарди Бейкера» – звездный час Дэна Гувера. Трамплин для головокружительной карьеры. Его будут приглашать выступить на всех важных конференциях прокуроров, которые устраиваются в дешевых казино. И переизберут на новый срок.

Но сейчас он не на шутку задержался, поскольку явно перегнул палку.

Они не сомневались, что сумели ухватить меня за причинное место. Что за глупость! Обвинение в неправомерном контакте, да еще и подстроенном, никак не укрепит их позиции в деле. Налицо явный перегиб, но такое случается нередко. Им оставалось только приговорить Гарди к смерти, но они решили еще и покуражиться, удовольствия ради укусив меня.

– Смахивает на неправомерный контакт, судья, – хмуро произносит Гувер.

– Еще бы! – соглашаюсь я.

– Разберемся с этим позже, – говорит судья. – Жюри ждет.

– Похоже, вы оба оглохли, – не унимаюсь я. – Я же говорю, что не буду участвовать в процессе, пока не состоится слушание. И требую занести это в протокол.

Кауфман переводит взгляд на Гувера, но тот ошарашен не меньше. Они знают, что я достаточно безумен, чтобы объявить забастовку и отказаться от участия в процессе, а тогда признание судебного разбирательства неправильным из-за допущенных нарушений закона становится более чем вероятным. Судья испепеляет меня взглядом и произносит:

– Я обвиняю вас в неуважении к суду.

– Так отправьте меня за решетку, – насмешливо предлагаю я. Судебный секретарь записывает каждое слово. – Посадите меня.

Но он не может так поступить прямо сейчас. Ему надо принять решение, а малейшая ошибка способна поставить под угрозу все дело. Если я отправлюсь в тюрьму, процесс сорвется и спасти его точно не удастся. На каком-то этапе апелляционный суд, скорее всего федерального уровня, будет оценивать действия Кауфмана в данной ситуации и признает их нарушением. У Гарди должен быть адвокат, причем настоящий, а если я окажусь в тюрьме, то процесс не сможет продолжиться. Они преподнесли мне неожиданный подарок.

Через несколько секунд мы немного успокаиваемся. Я подчеркнуто вежливо, чуть ли не ласково говорю:

– Послушайте, судья, вы не можете отказать мне в этом слушании. Иначе сами предоставите весьма веские основания для апелляции.

– Что за слушание? – спрашивает он, сдаваясь.

– Я хочу, чтобы эта женщина, Марлоу Уайлдфэнг, была вызвана для дачи показаний на закрытом заседании. Вы из кожи вон лезете, чтобы дискредитировать меня за оказание давления на присяжных, так давайте доведем дело до конца. У меня есть право себя защищать. Отправьте членов жюри по домам на один день, и устроим разборку.

– Я не собираюсь отсылать членов жюри, – говорит он, падая в кресло и признавая поражение.

– Ладно. Посадите их тогда под замок на весь день. Мне все равно. Эта подружка вам солгала и тем самым вмешалась в процесс в самом его разгаре. Ее мать больше не может быть присяжной. Этого достаточно для признания судебного разбирательства неправильным уже сейчас, и тем более для отмены решения через пять лет. Выбор за вами.

Они слушают, потому что напуганы и прискорбно неопытны. Я уже проходил через аннуляцию судебного процесса. И через отмену судебного решения тоже. У меня богатый опыт ведения дел, когда на карту поставлена жизнь человека и одна ошибка может все изменить. А они новички. Кауфман за семь лет всего

дважды рассматривал дела об убийствах, караемых смертной казнью. Гуверу удалось отправить в камеру смертников лишь одного подсудимого, что в этих местах считается для прокурора настоящим позором. Два года назад он так облажался с обвинением в убийстве с отягчающими обстоятельствами, что судья (не Кауфман, другой) был вынужден остановить процесс. Потом с подсудимого были сняты все обвинения. У них в багаже и так ничего не было, а теперь оба к тому же здорово подставились.

– Кто готовил письменное показание под присягой? – спрашиваю я.

В ответ – молчание.

– Послушайте, оно написано явно под диктовку юриста. Ни один обычный человек так не говорит. Это ваша работа, Гувер?

Гувер, стараясь сохранить самообладание, но сейчас явно не в себе, произносит нечто удивительное даже для Кауфмана:

– Судья, мы можем продолжить с Тротсом, пока мистер Радд посидит за решеткой.

Я не могу сдержать смех, а Кауфман дергается, будто от пощечины.

– Давайте, флаг вам в руки, – издевательски говорю я. – Вы завалили дело с самого первого дня, так что валяйте, устройте Гарди отмену решения.

– Нет, – вмешивается судья Кауфман. – Мистер Тротс до сих пор не произнес ни слова, так что пусть сидит болванчиком и дальше. – Хоть эта фраза и не может не развеселить, я пристально смотрю на его честь, а потом перевожу взгляд на секретаря, которая все аккуратно протоколирует.

– Вычеркните это! – раздраженно рявкает на нее судья, опомнившись.

Что за debil! Судебный процесс часто превращается в настоящий цирк, где все выходит из-под контроля. Попытка от души надо мной поглумиться, казавшаяся вначале сплошным удовольствием, вдруг обернулась серьезной проблемой, во всяком случае для них.

Я не хочу, чтобы Гувер выступал с новыми блестящими идеями, хотя никакой опасности они и не представляют, и, чтобы вывести его из себя, подливаю масла в огонь:

- Из всех своих глупостей на суде сейчас вы превзошли самого себя. Бенни Тротс! Гениально! Вот кто вам нужен на моем месте.

- Так в чем заключается ваша позиция, мистер Радд? - интересуется Кауфман.

- Я не вернусь в зал суда, пока не пройдет слушание по неправомерному контакту с присяжной номер восемь, восхитительной миссис Глиной Ростон. Если вы расцениваете это как неуважение к суду, отправьте меня за решетку. На данном этапе неправильное судебное разбирательство для меня предпочтительнее тройного оргазма.

- Выбирайте выражения, мистер Радд.

Гувер начинает ерзать и заикаться:

- В общем, э-э... судья, полагаю, что к неправомерному контакту и неуважению к суду мы, наверное, могли бы вернуться, скажем, после процесса или типа того. Мне бы хотелось продолжить допрос свидетелей. А все остальное, э-э... не так важно на данном этапе.

- А тогда зачем вы все это затеяли, Гувер? - спрашиваю я. - Чего ради вы, придурки, так возбудились по поводу неправомерного контакта, отлично зная, что эта Уайлدفэнг нагло врет?

- Попрошу воздержаться от подобных слов в мой адрес, - фыркает судья Кауфман.

- Прошу прощения, судья, я не имел в виду вас. Я говорил о сотрудниках прокуратуры, включая и самого окружного прокурора.

- Предлагаю всем успокоиться и сбавить тон, - произносит Кауфман.

- Прошу меня извинить, - говорю я с убийственным сарказмом.

Гувер подходит к окну и смотрит на ряды неказистых строений, тянувшихся вдоль центральной улицы Майлоу. Кауфман отворачивается к книжному шкафу за своим столом и разглядывает книги, которые ни разу в жизни не брал в руки. В воздухе висит напряжение. Предстоит принять трудное решение, причем быстро, и если его честь сейчас совершит ошибку, ее последствия будут давить о себе знать долгие годы.

Наконец он поворачивается и говорит:

– Полагаю, нам следует допросить присяжную номер восемь, но не в зале суда. Мы проведем расследование прямо здесь.

Затем происходит то, чего не любят ни стороны процесса, ни присяжные, ни публика. Остаток дня мы проводим в тесном кабинете судьи Кауфмана, препираясь и отчаянно споря о трактовке моего поведения в рамках имевшего место неправомерного контакта с присяжным заседателем. Доставляют и приводят к присяге перепуганную Глинну Ростон. От страха она едва способна соображать и сразу начинает со лжи, утверждая, что не обсуждала процесс дома. На перекрестном допросе я наускаиваю на нее с такой яростью, что удивляю даже Кауфмана и Гувера. Она покидает кабинет в рыданиях. Затем приводят ее чокнутую дочь Марлоу Уайлдфэнг, и она повторяет свой незатейливый рассказ в ходе допроса, который неуклюже проводит Дэн Гувер, так и не сумевший прийти в себя. Когда ее передают мне, я любезно вожу ее по благоухающим аллеям, а потом вспарываю ей горло от уха до уха. Через десять минут она плачет, задыхается и проклиная ту минуту, когда окликнула меня в спорт-комплексе. Что в письменном показании под присягой она лгала, уже ни у кого нет сомнений. Даже судья Кауфман не удерживается от вопроса:

– Как мистер Радд мог найти вас в толпе из пяти тысяч человек, если никогда раньше вас не видел?

Спасибо, судья. Вопрос не в бровь, а в глаз.

Ее рассказ сводится к следующему. В пятницу вечером она вернулась домой с боев поздно. Проснувшись в субботу утром, позвонила матери, и та тут же связалась с мистером Дэном Гувером, который знал, как следует поступить. Они встретились в воскресенье днем у него в кабинете, составили заявление, и – опля! – Гувер на коне.

Я вызываю свидетелем Гувера. Тот заявляет протест. Мы спорим, но у Кауфмана нет выбора. Я допрашиваю Гувера в течение часа: даже две дикие кошки, засунутые в один мешок, и те повели бы себя цивилизованнее. Один из помощников Гувера лично составил текст письменных показаний под присягой. Другой – напечатал. Третий – нотариально заверил.

Потом он допрашивает меня, и перебранка вспыхивает с новой силой. На протяжении всей этой изнурительной процедуры присяжные ждут в совещательной комнате: не сомневаюсь, что Глинна Ростон кратко ввела их в курс дела и все они проклинают меня за непростительное затягивание судебного процесса. Как будто меня волнует их мнение. Я постоянно напоминаю Кауфману и Гуверу, что им приходится иметь дело с коброй. Если Глинна Ростон останется в жюри, кассация судебного решения мне обеспечена. Сам я в этом не уверен – при апелляции ни в чем нельзя быть уверенным, но вижу, как под тяжестью напряжения они начинают сомневаться в собственном суждении. Я неоднократно ходатайствую о прекращении данного процесса. Все ходатайства отклоняются. Но это не важно. Все заносится в протокол. Во второй половине дня Кауфман принимает решение вывести миссис Ростон из состава жюри и заменить на миссис Мэйзи, одну из наших уважаемых запасных.

Прилива энтузиазма в связи с назначением миссис Мэйзи я не испытываю – она ничем не лучше предыдущей леди, занимавшей это место. Других в Майлоу вообще нет. Будь этих замен хоть тысяча, все равно они проголосуют точно так же. Тогда зачем я потратил на это столько времени? Чтобы заставить их почувствовать ответственность. Чтобы напугать прокурора с судьей до чертиков, показав, что они, надлежащим образом избранные местными жителями, могут облажаться и запороть самое громкое дело, которое только рассматривалось в этом забытом богом городишке. Чтобы собрать основания для апелляции. И чтобы заставить себя уважать.

Я требую привлечь Марлоу Уайлдфэнг к ответственности за лжесвидетельство, но у прокурора нет сил. Я требую наказать ее за неуважение к суду. Но судья Кауфман напоминает мне, что за неуважение к суду буду наказан я. Он посылает за судебным приставом с наручниками.

– Прошу прощения, судья, – говорю я, – но я забыл, в чем именно проявилось мое неуважение к суду. Уже столько воды утекло.

– В том, что вы отказались продолжить процесс утром, и в том, что мы потратили целый день на препирательства из-за присяжного. К тому же вы нанесли оскорбление лично мне.

На это мне есть что возразить, и немало, но я решаю промолчать. Отправив меня за решетку по обвинению в неуважении к суду, они только усугубят свое положение и предоставят мне лишний аргумент для подачи апелляции. В кабинет входит дюжий помощник шерифа с наручниками, и судья Кауфман говорит:

– Отведите его в тюрьму.

Гувер стоит у окна, отвернувшись.

Я не хочу в тюрьму, но и оставаться здесь выше моих сил. Спертый воздух пронизан запахом пота. На запястьях спереди, а не сзади, защелкиваются наручники, и, проходя мимо Кауфмана, я спрашиваю:

– Полагаю, что завтра утром я смогу продолжить процесс в качестве главного адвоката защиты?

– Сможете.

Чтобы напугать их еще больше, я добавляю:

– В прошлый раз, когда меня отправили за решетку в самый разгар процесса, приговор был отменен Верховным судом штата. Девятью голосами против одного. Вам, придуркам, следовало бы почаще читать свои бюллетени.

К нашей маленькой процессии присоединяется еще один помощник шерифа столь же внушительной комплекции. Они ведут меня к заднему выходу по коридору, которым я пользуюсь каждый день. У дверей зачем-то останавливаются и что-то говорят по рации. Когда мы наконец оказываемся на улице, я понимаю, что произошла утечка. Увидев меня в наручниках в сопровождении блюстителей закона, мои ненавистники радостно улюлюкают. По непонятной причине полицейские замешкались, решая, в какой патрульной машине меня отправить. Я стою у всех на виду возле одной из машин и с

улыбкой разглядываю своих поклонников. Потом замечаю Напарника и кричу, что позвоню ему вечером. Он явно сбит с толку и не понимает, что происходит. Смеха ради меня засовывают на заднее сиденье машины рядом с Гарди: адвокат и его клиент отбывают в тюрьму. Когда мы трогаемся с места под громкий вой сирены и с включенной мигалкой, чтобы придать особый драматизм происходящему в этом злосчастном городишке, Гарди смотрит на меня и спрашивает:

- Где ты был весь день?

Я не стал ничего придумывать, а поднял руки в наручниках и ответил:

- Бился с судьей. Угадай, чья взяла?

- А как они могут отправить в тюрьму адвоката?

- Судья может делать все, что захочет.

- Тебя тоже ждет смертная казнь?

Впервые за многие часы я смеюсь:

- Нет, во всяком случае пока.

Гарди веселит такая неожиданная перемена в привычной рутине, и он говорит:

- Еда там - это что-то!

- Не сомневаюсь.

Полицейские впереди слушают наш разговор, затаив дыхание и боясь пропустить хоть слово.

- А тебе уже приходилось там сидеть?

- Да, и не раз. У меня талант доставать судей.

- И чем ты достал судью Кауфмана?

- Это долгая история.

- Ну, у нас вся ночь впереди, верно?

Похоже, это так, правда, я сомневаюсь, что меня поместят в одну камеру с моим дорогим клиентом. Через несколько минут мы подъезжаем к зданию, построенному в 1950-х, с плоской крышей и несколькими пристройками, расплзающимися в стороны, будто злокачественная опухоль. Я бывал тут несколько раз, чтобы встретиться с Гарди, и это место настоящая помойка. Мы останавливаемся; нас вытаскивают из машины и доставляют в тесное помещение, где с грозным видом сидят несколько полицейских, перекладывая бумажки. Гарди уводят куда-то назад, и когда открывается невидимая дверь, до меня доносятся приглушенные крики заключенных.

- Судья Кауфман сказал, что я могу сделать два звонка, - ультимативным тоном сообщаю я подошедшему тюремщику.

Тот в нерешительности топчется, не зная, как ему надлежит поступить при общении с разгневанным адвокатом, наказанным за неуважение к суду. Потом сдается.

Я звоню Джудит, и после общения на повышенных тонах сначала с администратором, потом секретаршей, а затем помощницей меня наконец соединяют. Я рассказываю, что нахожусь в тюрьме и мне нужна помощь. Она чертыхается, напоминает о своей занятости, но потом обещает подключиться. Второй звонок я делаю Напарнику и ввожу его в курс дела.

Мне выдают оранжевый комбинезон с трафаретной надписью «Тюрьма города Майлоу» на спине. Я переодеваюсь в грязном туалете и аккуратно расправляю на вешалке рубашку, галстук и костюм. Потом отдаю все это тюремному надзирателю со словами:

- Пожалуйста, не помни?те. Мне завтра в этом выступать.

– Может, еще и погладить? – интересуется он, заливаясь смехом. К нему присоединяются другие, по достоинству оценив столь удачную остроту. Я тоже улыбаюсь, демонстрируя чувство юмора. Дождавшись, когда все отсмеются, спрашиваю:

– А что сегодня на ужин?

– Сегодня понедельник, – отвечает тюремщик, – а по понедельникам у нас всегда мясные консервы.

– Отлично!

Моя камера представляет собой крошечный квадратный бетонный склеп, пропитанный запахом мочи и пота. Двухъярусная койка занята двумя молодыми чернокожими: один читает, другой дремлет. Третьей кровати нет, так что спать мне придется на пластиковом стуле в каких-то темно-коричневых пятнах. Мои сокамерники даже не пытаются прикинуться дружелюбными. Я не хочу драться, но если окажусь избитым в тюрьме при защите обвиняемого в убийстве, то это автоматически повлечет за собой признание судебного разбирательства неправильным. Надо будет все обдумать.

Поскольку Джудит уже приходилось заниматься этим раньше, она точно знает, что надо делать. В пять часов вечера она подает ходатайство о передаче арестованного в федеральный суд Города для решения вопроса о законности его заключения под стражу с настоятельным требованием немедленного слушания. Я обожаю федеральный суд, во всяком случае, раньше обожал.

Джудит также направляет копию ходатайства моему любимому газетчику. Я устраю настоящую бурю. Кауфман и Гувер совершили грубую ошибку и дорого заплатят за это. Тот, что с книгой на нижней койке, решает немного поболтать, и я рассказываю, как сюда попал. Ему кажется прикольным, что адвокат угодил за решетку, потому что вывел судью из себя. Парень, который дремал наверху, спускается вниз и присоединяется к веселью. Вскоре я уже даю им юридическую консультацию, в которой они явно нуждаются.

Через час заявляется тюремный надзиратель и сообщает, что ко мне посетитель. Я иду за ним по лабиринту узких проходов и в конце концов оказываюсь в тесной комнате, где установлен алкометр. Сюда доставляют пьяных водителей. Со

стула поднимается Епископ, и мы обмениваемся рукопожатием. Мы разговаривали по телефону, но никогда не встречались лично. Я благодарю его за то, что он пришел, хотя с его стороны это вряд ли разумно. Он говорит, ему по фигу и местных жителей он не боится. Он знает, как вести себя, чтобы не привлекать внимания. Кроме того, он знаком с начальником полиции, полицейскими, судьей – всей камарильей провинциального городка. Он рассказывает, что пытался дозвониться до Гувера и Кауфмана и предостеречь их от совершения серьезной ошибки, но так и не смог к ним пробиться. Он пытается надавить на начальника полиции, чтобы меня перевели в приличную камеру. Чем дольше мы разговариваем, тем больше он мне нравится. Он настоящий уличный боец, измотанный и потрепанный жизнью, и он бьется с полицейскими не одно десятилетие. Он ничего не заработал, и ему наплевать. Интересно, не стану ли я таким же через двадцать лет?

– Что с анализом ДНК?

– Образцы будут в лаборатории завтра, и там обещали все сделать быстро.

– А если это Пили?

– Тогда развернется ад.

Этот парень на моей стороне, но я его не знаю. Мы разговариваем еще минут десять, после чего он прощается.

Когда я возвращаюсь в камеру, выясняется, что мои новые друзья уже распустили слух: с ними сидит адвокат по уголовным делам. И вскоре я, надрывая горло, уже оказываю правовую помощь всему блоку.

Я не всегда отличаюсь здравомыслием, но все-таки решаю не устраивать драку со своими сокамерниками Фонзо и Фрогом. Вместо этого я всю ночь сижу на стуле и пытаюсь вздремнуть, правда без особого успеха. Я отказался от консервов на ужин и тухлых яиц с холодным тостом на завтрак. Душ, по счастью,

никто не предлагал. Мне приносят костюм, рубашку, галстук, обувь и носки, и я быстро одеваюсь. Я прощаюсь с сокамерниками, которым, несмотря на мои блестящие юридические советы, все равно предстоит провести за решеткой несколько лет.

К зданию суда нас с Гарди доставляют на разных машинах. Толпа недоброжелателей заметно выросла и встречает мое появление в наручниках свистом и улюлюканьем. Наручники с меня снимают уже внутри, где нет никаких фотографов. Напарник ждет в коридоре. Обо мне написали в утреннем выпуске ежедневной газеты Города «Кроникл», раздел городских новостей, третья страница. Тем, что Радда опять упекли за решетку, никого не удивить.

Следуя распоряжению, я направляюсь за судебным приставом в кабинет судьи Кауфмана, где он ждет вместе с Гувером. Оба ухмыляются и явно хотят посмотреть, как на мне сказалась ночь, проведенная в тюрьме. Я не говорю ни слова о своем заключении, о том, что давно не спал, не ел, не брился и не принимал душ. Я в форме и горю желанием поскорее заняться делом, что их, похоже, удручает. Для них это увлекательная забава. Правда, на кону стоит жизнь Гарди.

Едва я оказываюсь в кабинете, как в него врывается помощник шерифа и сообщает:

– Извините, судья, но тут прибыл федеральный пристав и говорит, что вам надо быть в Городе в одиннадцать утра. И вам тоже, мистер Гувер.

– Какого черта? – изумляется Кауфман.

Я предупредительно объясняю:

– Это слушание по поводу законности моего заключения под стражу, судья. Причем срочное, чтобы вызволить меня из-за решетки. Вы сами начали эту хрень, и я вынужден был положить ей конец.

– У него есть судебная повестка? – интересуется Гувер. Полицейский протягивает какие-то бумаги, и Гувер с Кауфманом их быстро проглядывают.

– Это не судебная повестка, – говорит Кауфман. – Это нечто вроде уведомления от судьи Сэмсона. Я думал, он уже умер. Он не имеет права уведомлять меня о необходимости присутствовать на каком бы то ни было слушании.

– Он уже лет двадцать не в своем уме, – с облегчением произносит Гувер. – Я не поеду. У нас тут разгар процесса.

Насчет судьи Сэмсона он не ошибается. Если бы адвокатам предложили путем голосования выбрать самого сумасшедшего федерального судью в округе, то Арни Сэмсон одержал бы сокрушительную победу. Но он мой большой друг и уже не раз вытаскивал меня из тюрьмы.

Кауфман поворачивается к помощнику шерифа:

– Скажи приставу, чтобы убирался. А будет создавать проблемы, вели шерифу его арестовать. Представляю себе реакцию! Шериф арестовывает федерального пристава! Ха! Такого наверняка еще не было. В любом случае мы никуда не едем. Нам надо продолжать процесс.

– А зачем вы обратились в федеральный суд? – спрашивает меня Гувер совершенно серьезно.

– Потому что в тюрьме мне не нравится. Что за дурацкий вопрос?

Помощник шерифа уходит, и Кауфман поворачивается ко мне.

– Я отменяю приказ о неуважении к суду. Вы довольны, мистер Радд? Полагаю, что ночь, проведенная в кутузке, достаточное наказание за ваше поведение.

– Что ее достаточно для признания процесса неправильным и отмены приговора, это точно.

– Не будем спорить, – говорит Кауфман. – Так мы можем продолжать?

– Вы же судья, вам и решать.

– А как насчет слушания в федеральном суде?

- Вы спрашиваете моего совета как адвоката? - ехидно спрашиваю я.

- Нет, черт побери!

- Тогда сами решайте, как отреагировать на уведомление. Черт, судья Сэмсон может запереть вас обоих в кутузку на день-другой. То-то будет весело!

12

Наконец мы добираемся до зала суда и занимаем свои места. Когда приводят присяжных, я специально очень внимательно на них смотрю. Все они наверняка уже знают, что ночь я провел в тюрьме, и им интересно, как это на мне сказало. Так что пицци для пересудов я им не даю.

Судья Кауфман извиняется за задержку и предлагает начать работу. Потом он смотрит на Гувера, тот встает и говорит:

- Ваша честь, обвинению нечего добавить.

Этот дешевый спектакль разыгрывается исключительно с целью поиздеваться надо мной. Я поднимаюсь и, негодуя, обращаюсь к судье:

- Ваша честь, он мог сказать мне об этом еще вчера или хотя бы сегодня утром.

- Пригласите своего первого свидетеля, - резко бросает судья.

- Я не готов. Но я хочу заявить ходатайства. С официальным занесением в протокол.

Кауфман вынужден отпустить жюри. Следующие два часа мы отчаянно спорим, представило ли обвинение достаточно доказательств для продолжения процесса. Я привожу те же доводы. Судья все их отклоняет. Но мне это нужно для протокола.

Мой первый свидетель – неопрятный юнец, удивительно похожий на подзащитного. Его зовут Уилсон. Ему пятнадцать лет, он – наркоман, школу бросил и фактически является бездомным, хотя тетка и позволяет ему спать в гараже, когда здоровье становится совсем плохим. И он наш главный свидетель!

Близняшки Фентресс пропали в среду около четырех часов дня. Они уехали из школы на велосипедах, но до дома так и не добрались. Поиски начались примерно в шесть часов и продолжались всю ночь с фонарями, к полуночи к ним подключился весь городок. Тела нашли в грязном пруду на следующий день около полудня.

У меня шесть свидетелей – Уилсон и еще пять человек, которые подтвердят, что в ту среду Гарди был с ними примерно с двух часов дня до темноты. Они тусовались в месте под названием Яма – заброшенном гравийном карьере в лесном массиве к югу от Города. Это уединенное убежище для прогульщиков, беглецов, бездомных детей, наркоманов, мелких уголовников и пьяниц. Заглядывают сюда и бродяги постарше, но в основном тут собираются подростки, от которых все отказались. Они спят под навесами, делятся украденной едой и выпивкой, принимают наркотики, названия которых я никогда и не слышал, занимаются случайным сексом и вообще прозябают дни напролет, пока не окажутся в могиле или тюрьме. Когда девочек похищали и убивали, Гарди находился там.

Итак, у моего клиента есть алиби – известно, где он был во время убийства. Так ли это?

Когда Уилсон занимает место свидетеля и его приводят к присяге, присяжные ему уже не верят. В суд он явился в своем обычном наряде – грязных и рваных джинсах, разбитых армейских ботинках, зеленой футболке, прославляющей какую-то психоделическую группу, и щеголеватой фиолетовой бандане на шее. Над ушами волосы сбриты, вдоль черепа тянется ярко-оранжевый ирокез. Лицо украшено обязательным набором татуировок, серег и пирсинга. Он еще совсем ребенок, но сейчас вдруг оказался посреди такого официоза, что невольно натягивает на лицо ухмылку, при виде которой ему сразу хочется дать затрещину.

– Просто веди себя как обычно, – напутствовал я его.

К сожалению. Я бы и сам не поверил ни единому его слову, хотя он говорит чистую правду. Как и договаривались, мы восстанавливаем события того дня.

На перекрестном допросе Гувер буквально уничтожает его. Сынок, тебе пятнадцать лет, почему ты не был в школе? Курил косяк со своим дружком, сидящим здесь? Понятно. Ты об этом хочешь поведать присяжным? Выпивка, наркотики, просто пара бездельников, так?

Уилсон по глупости все отрицает. После четверти часа издевательств он полностью дезориентирован и боится, что его могут за что-нибудь посадить. А Гувер не унимается и продолжает себя вести как злобный бык на детской площадке.

Гувер не дружит с головой и заходит слишком далеко. Он полностью подчинил Уилсона и каждым новым вопросом заколачивает очередной гвоздь в крышку гроба его показаний. И вот теперь намеревается поставить под сомнение саму дату: как может Уилсон помнить, что происходило в ту конкретную среду марта? Ведь прошло столько времени. У них там в Яме есть календарь?

– Ты не можешь утверждать наверняка, что происходило именно в ту среду, верно? – громко спрашивает он.

– Могу, сэр, – отвечает Уилсон, впервые вежливо.

– Каким образом?

– Потому что приезжала полиция, и они сказали, что ищут двух девочек. Это было в ту среду. А Гарди был с нами с обеда. – Для парня без мозгов Уилсон справился с этим блестяще, как мы и репетировали.

Понятно, что при любом правонарушении в Майлоу, исключая разве что разбрасывание мусора на улицах, полиция сразу мчится к Яме, чтобы найти виновных. И выдвинуть обвинения против привычных подозреваемых. Яма находится примерно в трех милях от пруда, где нашли девочек Фентресс. Понятно, ни у кого из завсегдаеов Ямы нет никаких транспортных средств и передвигаются они только пешком, но полиция все равно туда регулярно наведывается и начинает их прессовать. Гарди говорит, что помнит, как приезжали полицейские и расспрашивали о пропавших девочках. Полицейские,

конечно, не помнят, что видели Гарди в Яме.

Но это все равно не имеет значения. Присяжные не верят ни единому слову Уилсона.

Затем я вызываю свидетеля, чьим показаниям верят еще меньше. Все зовут ее Лоло. Бедняжка живет под мостами и в каких-то подземных коммуникациях, сколько себя помнит. Мальчишки ее защищают, а за это она с ними спит. Сейчас ей девятнадцать, но до двадцати пяти она точно не протянет, во всяком случае на свободе. Она вся в татуировках, и, пока ее приводили к присяге, присяжные уже прониклись к ней отвращением. Она помнит ту конкретную среду, помнит, как в Яму приезжали полицейские, помнит, что Гарди был там весь день.

При перекрестном допросе Гувер сообщает, что ее дважды задерживали за кражу в магазине. Магазине продуктов! А что делать, если очень хотелось есть? Гувер преподносит это так, будто она заслуживает смертной казни.

Мы движемся дальше. Я вызываю своих свидетелей, которые говорят правду, а Гувер делает их похожими на преступников. В этом безумие и несправедливость системы. Свидетели Гувера, выступающие на стороне обвинения, окружены ореолом легитимности и благословения властей. Полицейские, эксперты и даже стукачи, которых по такому случаю помыли, почистили и нарядили в красивую одежду, все занимают место на свидетельской трибуне и хором лгут, чтобы добиться смертного приговора для моего клиента. А свидетелей, которые знают и говорят правду, немедленно опорочивают и выдают за лжецов.

Подобно многим другим, наш процесс нацелен не на поиск истины, а на победу. И чтобы победить без всяких вещественных доказательств, Гувер должен прибегать к фальсификации, лжи и отрицанию правды, как будто он ее ненавидит. У меня есть шесть свидетелей, которые клянутся, что моего клиента и близко не было возле места преступления, когда там совершалось убийство, и все шестеро были подняты на смех. Гувер представил два десятка свидетелей, практически каждый из которых известен лживостью и полицейским, и обвинению, и судье, а присяжные внимают им с таким трепетом, будто читают Священное Писание.

Я показываю присяжным карту их чудесного города. Яма расположена далеко от пруда; в предположительное время убийства Гарди никак не мог находиться в обоих местах одновременно. Присяжные этому не верят, потому что им уже известно, что Гарди имел отношение к сатанинскому культу и привлекался за половое извращение. Хотя нет никаких доказательств, что девочки подверглись сексуальному насилию, все жалкие обыватели в несчастном городишке не сомневаются: Гарди их сначала изнасиловал, а потом убил.

В полночь, когда я ворочаюсь в мотеле на продавленной кровати с пистолетом, у изголовья раздается звонок мобильного. Это из ДНК-лаборатории в Сан-Диего. ДНК крови, столь немилосердным способом полученной Тадео со лба Джека Пили, совпадает с ДНК волоса, оставленного убийцей, когда он стягивал шнурками лодыжки Дженны Фентресс одиннадцати лет.

Сна у меня нет ни в одном глазу. Мы с Напарником покидаем мотель, когда еще темно, и только при подъезде к Майлоу на востоке начинает светлеть. Город постепенно просыпается, и мы встречаемся с Епископом у него в офисе. Он звонит судье Кауфману домой, вытаскивает его из постели, и в восемь часов я уже вхожу к нему в кабинет, где он ждет с Гувером и секретарем суда. Все, что будет происходить дальше, необходимо запротоколировать.

Я излагаю возможные варианты. Если они отказываются прекратить судебный процесс, закрыть дело и отправить всех по домам – а именно этого я от них и жду, то тогда я либо (1) выписываю Джеку Пили повестку в суд, заставляю доставить его туда, допрашиваю в качестве свидетеля и обвиняю в убийстве; либо (2) обращаюсь в прессу с результатами анализа ДНК; либо (3) сообщая присяжным все, что мне известно; либо (4) проделываю все вышеизложенное; либо (5) ничего не делаю, и пусть они выносят свой приговор, а потом я размажу их по стенке на апелляции.

Они требуют рассказать, как я достал образец крови Джека Пили, но я не обязан этого делать. Я напоминаю, что на протяжении десяти месяцев буквально умолял провести расследование в отношении Пили, взять у него кровь на анализ и все такое, но они отказывались. У них же был подручный сатаны Гарди. В десятый раз я объясняю, что Пили (1) знал девочек, (2) его видели возле пруда, когда они исчезли, и (3) только что расстался с их матерью после долгого и бурного романа.

Они ошеломлены и не в силах взять себя в руки, осознавая весь ужас происходящего. Обвинение, основанное на лжи и продажности, только что лопнуло как мыльный пузырь. Они судят не того человека!

Практически все прокуроры страдают врожденным генетическим дефектом: они не в силах признать очевидное, даже если их ткнуть в него носом. Они все равно цепляются за свои теории. Они уверены, что правы, потому что были в этом убеждены на протяжении многих месяцев, а то и лет. «Я верю в свою правоту» – одно из их излюбленных заявлений, которые они бездумно повторяют, даже если появляется настоящий убийца с окровавленными руками и во всем признается.

Я столько раз слышал эту идиотскую чепуху раньше, что попробовал представить, какой именно будет реакция Гувера. И не мог удержаться от смеха, когда он заявил:

– Не исключено, что Гарди Бейкер и Джек Пили действовали сообща.

– Вы это серьезно? – поражается Кауфман.

– Потрясающе, просто бесподобно! – вмешиваюсь я. – Два человека, которые никогда прежде не пересекались, причем одному из них восемнадцать, а другому тридцать пять, встречаются на полчаса, убивают двух маленьких девочек, а потом навсегда расстаются, чтобы унести с собой эту тайну в могилу. Вы это собираетесь отстаивать при апелляции?

– Меня бы такое не удивило, – отвечает Гувер и задумчиво почесывает подбородок, будто обдумывает новые варианты преступления, которые порождает его заработавший на полную катушку мощный интеллект.

– Ты шутишь, Дэн, – говорит Кауфман, у которого от изумления буквально отвисла челюсть.

– Я хочу продолжать процесс, – заявляет тот. – Я считаю, что Гарди Бейкер замешан в преступлении. Я могу добиться обвинительного приговора. – Видеть, как он настроен упорствовать, даже зная, что не прав, было довольно неприятно.

– Позвольте, я угадаю, – говорю я. – Вы верите в свою правоту.

– Да, черт возьми, верю. И намерен довести дело до конца. Я могу добиться обвинительного приговора.

– Конечно, можете, ведь обвинительный приговор намного важнее справедливости, – замечаю я, сохраняя удивительное самообладание. – Давайте, добейтесь обвинительного приговора. А потом еще десять лет будут тянуться апелляционные суды, пока Гарди будет сидеть в камере смертников, а настоящий убийца разгуливать на свободе. Затем на какого-нибудь федерального судью снизойдет озарение, и Гарди с помпой освободят. И тогда и прокурор, и судья предстанут полными кретинами, и все из-за происходящего в данный момент.

– Я хочу продолжать процесс, – произносит Гувер как заезженная пластинка.

Но я не унимаюсь:

– Думаю, что обращусь в прессу и предоставлю результаты анализа ДНК. Они об этом тут же раззвонят, и вы оба будете выглядеть как пара клоунов, продолжающих процесс. А Джек Пили тем временем скроется.

– Откуда у вас образец его крови? – спрашивает судья Кауфман.

– В прошлую субботу он подрался в баре «Блю-энд-Уайт», и ему разбили лицо. Это сделал парень, работающий на меня. Я лично вытер кровь с его кулака и отправил в лабораторию вместе с образцом волоса, который изъяс раньше.

– Это подтасовывание улик, – предсказуемо замечает Гувер.

– Так предъявите мне обвинение или бросьте обратно за решетку. Твоя вечеринка закончилась, Дэн, пора завязывать.

– Я хочу видеть результаты анализа ДНК, – вмешивается Кауфман.

– Я получу их сегодня. Лаборатория находится в Сан-Диего.

– Тогда я объявляю на это время перерыв в заседаниях.

15

В тот же день судья и прокурор тайно встречаются. Меня не приглашают. Нормы процессуального права запрещают такие тайные встречи, но такое случается. Этим ребятам нужно выработать стратегию выхода, причем быстро. Теперь они не сомневаются, что я действительно душевнобольной и запросто могу обратиться в прессу с результатами анализов. В этот критический момент их больше волнует политика, нежели истина. Все, что им нужно, – это сохранить лицо.

Мы с Напарником возвращаемся в Город, где я провожу остаток дня, занимаясь другими делами. Я уговариваю лабораторию отправить результаты анализов судье Кауфману по электронной почте, и к полудню он знает правду. В шесть вечера мне звонят. Джека Пили только что арестовали.

На следующее утро мы встречаемся в кабинете Кауфмана, а не на открытом судебном заседании, как следовало. Прекращение уголовного дела на открытом судебном заседании было бы скандальным для системы, поэтому судья и прокурор сговорились сделать это за закрытыми дверями и как можно быстрее. Я сижу за столом рядом с Гарди и слушаю, как Дэн Гувер, запинаясь, зачитывает ходатайство о снятии обвинений. Я сильно подозреваю, что Гуверу ужасно хочется продолжить столь дорогой его сердцу процесс, в свою правоту на котором он так сильно верит. Но Кауфман сказал «нет»; сказал, что эта маленькая вечеринка закончилась и лучше обойтись малой кровью, поскорее избавившись от такого неуправляемого ублюдка и его придурковатого клиента.

Когда все бумаги подписаны, Гарди обретает свободу. Последний год он провел в жестокой тюрьме – мне ли не знать! Но для невинного человека провести в тюрьме всего год – настоящее чудо при нашей системе. Тысячи таких томятся там десятилетиями, но это уже из другой оперы.

Гарди совершенно сбит с толку, не знает, куда идти и что делать. При выходе из кабинета Кауфмана я даю ему две двадцатки и желаю удачи. Его, не афишируя, отвезут в тюрьму забрать свои вещи, а оттуда мать отправит его в какое-нибудь безопасное место. Мы больше никогда не встретимся.

Он не благодарит, поскольку не знает, что сказать. Обниматься с ним на прощание мне не хочется, ведь душ вчера он не принимал, но мы все-таки коротко обнимаемся в узком коридоре под взглядами двух помощников шерифа.

– Все позади, Гарди, – несколько раз повторяю я, но он мне не верит.

Слухи о происходящем уже просочились, и на улице собралась толпа. Жители Майлоу никогда не поверят, что близняшек Фентресс убил не Гарди, какие бы доказательства им ни предъявили. Вот что происходит, когда полицейские действуют по наитию и копают не в том направлении, контролируя слухи и подключая прессу. На ранней стадии к ним присоединяется прокурор, и вскоре все превращается в организованное и полуполицейское линчевание.

Я проскальзываю в боковую дверь, где меня уже ждет Напарник. Никакого сопровождения нам больше не полагается, и при отъезде фургона от здания суда нас забрасывают помидорами и яйцами. Я покидаю Город, как всегда, с помпой.

Часть вторая. Чистилище

Богатые люди обычно не попадают в камеру смертников. Линка Скэнлона, однако, сия участь не миновала, хотя в нашем Городе вряд ли отыщется и пара людей, которых бы это расстроило. У нас проживает около миллиона человек, и когда Линка окончательно признали виновным и увезли, практически все так или иначе этому только порадовались. Наркобизнесу был нанесен серьезный удар, правда, он быстро оправился. Закрыли несколько стриптиз-клубов, к восторгу многих молодых жен. Родители девочек-подростков почувствовали себя спокойнее за безопасность дочерей. Владельцы крутых спортивных автомобилей тоже вздохнули с облегчением, потому что автоугонов стало на порядок меньше. Но больше всего приговору Скэнлона обрадовались правоохранители и наркополицейские, рассчитывавшие на резкое падение уровня преступности. Их ожидания оправдались, правда, скоро все изменилось.

Беспристрастное жюри присяжных приговорило Линка к смерти за убийство судьи. После того как Линк оказался в камере смертников, адвоката, возглавлявшего его защиту, нашли повешенным. Полагаю, городская Коллегия адвокатов тоже вздохнула с облегчением, когда его упрятали за решетку.

По зрелом размышлении следует признать, что кое-кому Линка сначала не доставало, и таких людей наберется несколько сотен. Это и гробовщики, и стриптизерши, и поставщики наркоты, и владельцы автомастерских, где угнанные машины разбирались на части, да мало ли... Но теперь все это не важно. За шесть лет, что Линк провел в тюрьме, ему удалось восстановить большую часть своего бизнеса, и он продолжал руководить им из-за решетки.

Ему всегда хотелось только одного – быть гангстером в стиле Капоне с вечной жаждой крови, насилия и безудержного обогащения. Его отец был бутлегером и умер от цирроза печени. Мать часто и неудачно вступала в новые браки. Лишенный нормальной семьи, Линк с двенадцати лет болтался на улице, где преуспел в мелком воровстве. В пятнадцать лет он уже сколотил собственную банду, которая промышляла продажей в школах марихуаны и порнографии. В шестнадцать лет его арестовали и сделали внушение, положившее начало продолжительному и весьма бурному роману с системой уголовного правосудия.

До двадцати лет он носил имя Джордж. Оно ему не подходило, и он перебрал несколько прозвищ, настоящих перлов вроде Лэш (или Кнут) и Босс. В конце концов он остановился на Линке[3 - От англ. link – звено, связь, соединение.], потому что само это слово отражало его, Джорджа Скэнлона, связь с преступным миром. Оно подходило ему как нельзя лучше, и он нанял адвоката,

чтобы официально его зарегистрировать. Просто Линк Скэнлон, коротко и ясно. Новое имя дало ему новую личность. Он превратился в другого человека, которому было что доказывать. В своем стремлении стать самым крутым гангстером в Городе Линк ничем не брезговал и весьма преуспел на этом поприще. К тридцати годам он сумел подмять под себя проституцию и львиную долю оборота наркотиков в Городе, чему немало способствовали регулярные убийства конкурентов его головорезами.

Линк провел в камере смертников всего шесть лет, и исполнение смертного приговора было назначено сегодня на десять вечера. Шесть лет в камере смертников – небольшой срок. В среднем, во всяком случае, в нашем штате апелляции растягиваются на четырнадцать лет и казнят только потом. Даже двадцать лет совсем не редкость. Самый короткий период ожидания составлял два года, но осужденный сам просил казнить его поскорее. Справедливости ради скажу, что дело Линка рассматривалось в ускоренном режиме. Убийство судьи остальные судьи принимают близко к сердцу. Все апелляции были рассмотрены практически без задержек. Приговор был подтвержден и в первый, и во второй, и в третий раз. Причем решения принимались единогласно, не было ни одного сомневающегося ни на уровне штата, ни на федеральном. Верховный суд США вообще отказал в рассмотрении апелляции. Линк не на шутку разозлил тех, кто управляет системой, и сегодня система за все рассчитается сполна.

Линк убил судью Нейги. Конечно, на спусковой крючок нажимал не сам Линк – он просто дал команду, чтобы с Нейги разобрались раз и навсегда. Заказ поручили профессиональному киллеру по прозвищу Кулак, который исполнил все в лучшем виде. Судью Нейги с женой нашли дома в постели: оба были в пижамах, с пулевыми отверстиями в голове. Кулак тогда не смог удержать язык за зубами и проболтался, причем в месте, которое было у полицейских на прослушке. Он тоже получил смертный приговор, но провел в камере смертников всего два года: его обнаружили мертвым с залитой в горло щелочью для прочистки канализационных труб. Полицейские подозревали Линка, но тот клялся, что ничего не знает.

В чем же состояла вина судьи Нейги? Он был бескомпромиссным борцом с преступностью, ненавидевшим наркотики и дававшим торговцам ими максимальные сроки. Он собирался приговорить двух любимых подручных Линка, одним из которых был его двоюродный брат, к ста годам тюрьмы, и Линку это не понравилось. Город принадлежал ему, а не Нейги. Линку уже давно хотелось прикончить какого-нибудь судью, чтобы окончательно закрепить свой

статус. Убить судью и уйти от ответственности, чтобы ни у кого не осталось сомнений: он действительно выше закона.

Когда я взял его дело после убийства первого адвоката, все подумали, что я сошел с ума. Еще один неприятный для Линка исход судебных слушаний, и мое тело могут найти на дне пруда. Но прошло шесть лет, и все эти годы у нас с Линком все было ровно. Он знает, что я пытался спасти ему жизнь. И мою он пожалеет. Что ему даст смерть последнего адвоката?

2

Мы с Напарником подъезжаем к главным воротам «Чертовой мельницы» – так называют тюрьму строгого режима, где штат держит приговоренных к смерти и приводит приговор в исполнение. Охранник встает на подножку фургона со стороны пассажира и спрашивает:

– Имя?

– Радд. Себастиан Радд. Мы на встречу с Линком Скэнлоном.

– Само собой.

Охранника зовут Харви, и обычно мы с ним немного болтаем, но не сегодня. Сегодня «Чертова мельница» закрыта для посетителей, в воздухе висит напряжение. День казни! Через дорогу напротив несколько протестующих поют гимн, держа свечи в руках, а другие, наоборот, поют в поддержку смертной казни. Одни сменяют других. Вдоль дороги выстроились фургоны с телевизионщиками.

Харви делает пометку в папке с зажимом и сообщает:

– Блок номер девять.

Мы уже собираемся отъезжать, когда он просовывает голову в окно и спрашивает:

– Есть шансы?

– Сомнительно, – отвечаю я, и мы трогаемся.

Мы едем за тюремным пикапом с вооруженными охранниками в кузове, еще один следует за нами. Пока мы медленно продвигаемся вперед, нас слепят мощные прожекторы, заливая ярким светом проплывающие мимо здания, где три тысячи запертых в камерах заключенных ждут смерти Линка, чтобы вернуться к привычной жизни. Никаких разумных причин объявлять в тюрьме аврал в день казни нет. Ужесточения режима безопасности вовсе не требуется. Никто и никогда не сбегал из камеры смертников. Осужденные живут в изоляции, и, соответственно, у них нет команды подельников, которая решила бы взять штурмом Бастилию и всех освободить. Но для тюремного персонала ритуалы имеют большое значение, и ничто им так не добавляет адреналина, как приведение приговора в исполнение. Жизнь тюремных служителей обычно скучна и однообразна, но, когда приходит время казнить убийцу, она наполняется красками. И для придания надвигающейся драме особого импульса в ход пускаются все средства.

Девятый блок находится далеко от других строений и защищен таким количеством колючей проволоки и прочих препятствий, что преодолеть их было бы не под силу всем союзным войскам, высадившимся в Нормандии при открытии второго фронта. Наконец мы добираемся до ворот, где целый взвод взвинченных охранников ретиво обыскивают нас с Напарником и проверяют наши портфели. Эти ребята как-то уж слишком близко к сердцу принимают вечернее торжество. В сопровождении эскорта меня доставляют в импровизированный кабинет, где начальник тюрьмы Макдафф нетерпеливо ждет, грызя ногти и явно нервничая. Едва мы остаемся одни в комнате без окон, он спрашивает:

– Вы уже в курсе?

– В курсе чего?

– Десять минут назад в здании Старого суда, в том самом зале, где Линку вынесли приговор, взорвалась бомба.

Я был в этом зале сотню раз, и, понятно, новость о взрыве меня шокирует. С другой стороны, меня ничуть не удивляет, что Линк Скэнлон, уходя, решил громко хлопнуть дверью.

- Есть пострадавшие? – спрашиваю я.

- Не думаю. Здание уже было закрыто.

- С ума сойти!

- Вот именно – с ума сойти! Радд, вам лучше с ним поговорить, и как можно быстрее.

Я пожимаю плечами и беспомощно смотрю на Макдаффа. Попытаться вразумить бандита вроде Линка Скэнлона – бесполезное занятие.

- Я лишь адвокат, – напоминаю я.

- А если из-за него пострадают люди...

- Послушайте, через несколько часов штат его казнит. Что еще он может сделать?

- Да знаю я, знаю. А где сейчас апелляции? – спрашивает он, с хрустом перекусывая передними зубами отгрызенный ноготь. Он здорово на взводе и не находит себе места.

- В Пятнадцатом судебном округе. Чистая формальность. На этом этапе по-другому и не бывает. А где Линк?

- В камере ожидания. Мне надо вернуться к себе в кабинет и поговорить с губернатором.

- Передавайте ему привет. И напомните, что он никак не отреагировал на мое последнее ходатайство об отсрочке казни.

– Сделаю, – обещает начальник тюрьмы уже в дверях.

– Спасибо.

Мало кому в нашем штате так нравятся казни, как нашему красавцу губернатору. Он обычно ждет до самой последней минуты, а потом появляется перед камерами с печальным видом и, положив руку на сердце, объявляет миру, что никак не может предоставить отсрочку. Со слезами на глазах он будет говорить о жертве и о том, что правосудие должно свершиться.

Я следую за двумя охранниками в полном военном обмундировании через лабиринт помещений и оказываюсь в Чистилище. Так называют средних размеров камеру, куда приговоренного к смерти доставляют ровно за триста минут до наступления его звездного часа. Там он ждет со своим адвокатом, духовным наставником и, возможно, некоторыми родственниками. Общаться можно без всяких ограничений, и когда приезжает мать, чтобы обнять сына в последний раз в жизни, у присутствующих нередко сжимается сердце. Ровно за два часа до казни приносят еду для последней в его жизни трапезы, и после этого с ним может находиться только адвокат.

В минувшие десятилетия в нашем штате осужденных на смерть расстреливали. Им надевали наручники, привязывали к стулу и накрывали голову черным колпаком, а к рубашке напротив сердца прилаживали ярко-красный крест. В пятидесяти футах за занавеской располагалась расстрельная команда из пяти добровольцев с мощными винтовками, из которых заряжены были только четыре. Идея заключается в том, что никто из этой пятерки никогда не будет знать наверняка, что именно его пуля лишила жизни человека, и делается это на случай, если вдруг его потом начнет мучить совесть за содеянное. Чуть несусветная! Желающих всадить человеку пулю прямо в сердце всегда хватало с избытком, и недостатка в добровольцах никогда не наблюдалось.

Как бы то ни было, тюремный жаргон известен своей точностью и образностью, и со временем за расстрельной комнатой закрепилось ее нынешнее прозвище. Рассказывают, что раньше вентиляционный клапан нарочно не закрывали, чтобы треск выстрелов разносился по тюрьме эхом. Когда из соображений гуманизма мы перешли на казнь с помощью смертельной инъекции, места для нее потребовалось меньше. Отсек с камерами смертников перестроили, и кое-где возвели новые стены. Говорят, теперь Чистилище занимает часть того самого помещения, где раньше осужденных на казнь усаживали на стул для расстрела.

Меня еще раз обыскивают и пропускают в камеру к Линку. Он один и сидит на складном стуле, придвинутом к стене из шлакобетона. Свет приглушен. Линк не сводит глаз с маленькой телевизионной панели на стене и, похоже, не замечает моего появления. Он смотрит свой любимый фильм «Крестный отец» с выключенным звуком. Он видел его тысячу раз и уже давно пытается во всем подражать персонажу Марлона Брандо. У него такой же скрипучий болезненный голос, что он объясняет курением. Стиснутые челюсти. Нарочито медленные движения. Отстраненность. Полное отсутствие эмоций.

Процедура казни в нашем штате предусматривает удивительное правило: смертник имеет право умереть в одежде по своему выбору. Это смешотворно, потому что после десяти, пятнадцати, а то и двадцати лет в тюрьме у заключенных, по сути, нет никакого гардероба. Всю их одежду составляют казенные комбинезоны, может, пара потертых брюк цвета хаки и футболка для встречи с посетителями, сандалии и теплые носки на зиму. У Линка, однако, есть деньги, и он хочет, чтобы его похоронили во всем черном. Он одет в черную льняную рубашку с длинными рукавами, манжеты причем застегнуты на пуговицы, еще на нем черные джинсы, черные носки и черные кроссовки. Это не так стильно, как ему кажется, но кому в такой момент дело до моды?

Наконец он произносит:

– Я рассчитывал, что ты меня вытащишь.

– Я никогда не обещал этого, Линк. Даже оформил это в письменном виде.

– Но я же столько заплатил тебе.

– Щедрый гонорар не гарантирует благоприятного исхода. Об этом тоже имеется письменное предупреждение.

– Адвокаты... – с презрением цедит он, и мне это не нравится.

Я ни на минуту не забывал об участии, постигшей моего предшественника. Линк медленно подается вперед и встает. Ему сейчас пятьдесят, и время, проведенное в камере смертников, практически не отразилось на его внешности. Но он быстро стареет, хотя я и сомневаюсь, что человека, знающего

точную дату своей смерти, сильно волнует появление новых морщин и седых волос. Он делает несколько шагов и выключает телевизор.

В камере размером пятнадцать на пятнадцать футов имеется небольшой письменный стол, три складных стула и простая армейская койка, если перед тем, как отправиться на вечный покой, осужденному захочется вздремнуть. Я был тут однажды три года назад, когда за полчаса до казни моего клиента случилось чудо, сотворенное Пятнадцатым судебным округом.

Линку рассчитывать на чудо не приходится. Он садится на край стола и смотрит на меня. Потом хмыкает и говорит:

– Я в тебя верил.

– И правильно делал, Линк. Я сражался за тебя как лев.

– Но с точки зрения закона я же сумасшедший, а ты в этом никого не убедил. Я просто псих ненормальный! Почему ты не заставил их в это поверить?

– Я пытался, и ты это знаешь, Линк. Но никто не слушал, потому что не хотел слушать. Ты убил судью, и на тебя ополчилась вся его братия.

– Я его не убивал.

– А присяжные решили, что убил. И это главное.

Мы уже говорили об этом тысячу раз, так почему не поговорить еще один? Когда до казни Линка осталось меньше пяти часов, я был готов разговаривать с ним на любую тему.

– Но я же ненормальный, Себастиан! У меня не все дома.

Часто говорят, что в камере смертников у людей едет крыша. Нахождение в изоляции двадцать три часа в сутки ломает человека умственно, физически и эмоционально. Однако Линк страдал не так, как остальные. Еще несколько лет назад я объяснил ему, что, согласно решению Верховного суда, человека нельзя казнить, если он или умственно отсталый, или стал умственно неполноценным.

Вскоре Линк решил, что сойдет с ума, и принялся разыгрывать эту карту. Начальник тюрьмы согласился перевести его в блок, где содержались сумасшедшие, а условия были лучше обычных. Линк провел там три года, пока какой-то журналист не раскопал, что ближайшие родственники начальника тюрьмы вдруг значительно поправили свое материальное положение, причем не без помощи вполне определенного преступного синдиката. Начальник тут же подал в отставку и избежал судебного преследования. А Линка вернули на прежнее место, где он и находился примерно с месяц, пока его не перевели в блок, куда помещают временно задержанных подозреваемых. Камера там у него была больше, да и режим помягче. Охранники снабжали его всем, что он только пожелает, потому что оставшиеся на свободе подручные Линка щедро оплачивали их услуги деньгами и наркотой. Со временем Линку удалось вновь перебраться в блок для сумасшедших.

За шесть лет пребывания в «Чертовой мельнице» он провел с другими убийцами, приговоренными к смерти, не больше года.

– Начальник тюрьмы только что сообщил мне, что в здании суда после обеда прогремел взрыв. Причем в том же зале заседаний, где тебе вынесли обвинительный приговор. Удивительное совпадение, правда?

Он хмурится и безучастно пожимает плечами, совсем как Брандо в фильме.

– У меня сейчас есть еще где-то нерассмотренная апелляция? – спрашивает он.

– В Пятнадцатом судебном округе, но обольщаться не стоит.

– Ты хочешь сказать, что меня казнят, Себастиан?

– Я предупреждал тебя об этом еще на прошлой неделе, Линк. Круг замкнулся. Обжалования, поданные в последнюю минуту, бессмысленны. Мы оспорили все, что только можно. Выдвинули все мыслимые основания. Так что сейчас остается только ждать и надеяться на чудо.

– Мне следовало обратиться к этому адвокату-еврею из радикалов. Как его фамилия – Ловенстайн?

– Может быть, но ты не обратился. За последние четыре года казнили трех его клиентов.

Я знаком с Марком Ловенстейном, и он хороший адвокат. Львиная масса дел «неприкасаемых» в наших краях приходится на нас двоих. Мой мобильник подает сигнал о получении эсэмэски. Пятнадцатый судебный округ только что отказал.

– Плохие новости, Линк, – говорю я. – От Пятнадцатого тоже пришел отказ.

Он молча поворачивается к телевизору и включает его. Я щелкаю выключателем, чтобы в комнате стало светлее, и спрашиваю:

– Твой сын придет?

– Нет, – бурчит он.

У него единственный сын, который только что вышел из федеральной тюрьмы, где сидел за вымогательство. Он всегда участвовал в семейном бизнесе, любит своего отца, но его трудно винить за нежелание посетить тюрьму, даже если это просто визит.

– Мы уже попрощались, – говорит Линк.

– Значит, никаких посетителей вечером?

Он усмехается и ничего не говорит. Нет, никаких посетителей для прощального объятия. Линк был женат дважды, но обеих бывших жен ненавидит. В последние двадцать лет он совсем не общался с матерью. Его единственный брат таинственно исчез после какой-то неудачной сделки. Линк лезет в карман, достает мобильник и звонит. Мобильники для заключенных строжайше запрещены, и у Линка за эти годы их отбирали раз десять. Телефоны ему тайком проносят охранники. Один из них на этом попался и рассказал, что неизвестный, остановивший его после обеда на парковке у экспресс-кафе, заплатил ему за это тысячу долларов.

Разговор очень короткий – о чем, мне не слышно. Линк сует мобильник обратно в карман, переключает телевизор пультом на другую программу, и мы смотрим новости местного кабельного канала. Предстоящая казнь вызывает большой интерес. Журналист обстоятельно освежает в памяти зрителей детали убийства четы Нейги. На экране мелькают фотографии судьи с женой – она была красивой женщиной.

Я хорошо знал судью и несколько раз был на слушаниях под его председательством. Он был жестким, но справедливым и умным. Его убийство повергло всех в настоящий шок, а то, что след привел к Линку Скэнлону, удивления не вызвало. На экране показывают сюжет с Кулаком, киллером, – как он покидает зал суда в наручниках. Физиономия та еще.

– Ты в курсе, что имеешь право на общение с духовным наставником?

Он усмехается. Ему это не нужно.

– В тюрьме есть свой капеллан, если хочешь поговорить.

– Это еще кто?

– Духовное лицо.

– И что он может сказать?

– Ну, не знаю, Линк. Я слышал, кое-кто из тех, кому предстоит уйти, хочет уладить все с Богом. Исповедаться в грехах и все такое.

– Это долгая история.

Для бандита вроде Линка раскаяние было бы непростительным проявлением слабости. Ни убийство супругов Нейги, ни другие преступления не вызывают в нем абсолютно никаких угрызений совести. Он переводит на меня взгляд и спрашивает:

– А что ты здесь делаешь?

– Я твой адвокат. Находиться здесь моя обязанность, я должен убедиться, что последние ходатайства действительно рассмотрены, и дать совет.

– И ты советуешь поговорить с капелланом?

От неожиданного громкого стука в дверь мы оба вздрагиваем. Она тут же распаивается, и входит человек в дешевом костюме в сопровождении двух охранников.

– Мистер Скэнлон, я Джесс Форман, заместитель начальника тюрьмы.

– Искренне рад, – отзывается Линк, не отводя взгляда от экрана телевизора.

Форман не обращает на меня никакого внимания и продолжает:

– У меня тут список всех, кто будет присутствовать на казни. С вашей стороны никого не будет, так?

– Так.

– Вы уверены?

Линк не удостоивает его ответом. Подождав немного, Форман снова спрашивает:

– А как же ваш адвокат?

– Я буду присутствовать, – отвечаю я. Адвокатов всегда приглашают. – А от семьи судьи Нейги кто-то будет?

– Да, все их трое детей. – Форман кладет лист на стол и выходит. Едва за ним с грохотом захлопывается дверь, Линк произносит:

– Ага, вот то самое. – Он берет пульт и прибавляет звук.

Рассказывают о последних событиях: в здании Пятнадцатого судебного округа только что прогремел взрыв. На экране видно, как вокруг здания мечутся полицейские и пожарные. Из окон второго этажа клубится дым. Запыхавшийся репортер бежит по улице, выискивая лучшее место для картинки, и на бегу рассказывает о происходящем. Оператор с камерой едва за ним поспевает.

Линк не отрывается от экрана – его глаза горят.

– Ничего себе, еще одно удивительное совпадение, – замечаю я, но Линк меня не слушает. Я стараюсь держаться невозмутимо и спокойно, будто ничего особенного не происходит. Подумаешь, взрыв тут, взрыв там. Пара телефонных звонков из камеры смертников, и фитили на бомбах поджигают. Но я впечатлен.

И чья очередь следующая? Еще одного судьи? Не исключено, что того, кто рассматривал его дело в суде и приговорил к смерти. Это был судья Коун, который сейчас вышел в отставку. Но на протяжении двух лет, пока шел судебный процесс и сразу после него, к нему была приставлена вооруженная охрана. Может, присяжные? После суда они находились под присмотром полиции, и все было тихо. Никто не пострадал и не получал никаких угроз.

– Куда теперь направляется ходатайство?

Думаю, он решил взрывать все суды от нас до Вашингтона. Ответ на свой вопрос он знает – мы не раз это обсуждали.

– В Верховный суд, округ Колумбия. А что?

Он не отвечает. Несколько минут мы смотрим телевизор. Сюжет подхватывает репортер Си-эн-эн и в характерной истеричной манере начинает накручивать, намекая на теракты джихадистов. Линк улыбается.

Через полчаса снова появляется начальник тюрьмы. Он суетится еще больше, выводит меня в коридор и шепотом спрашивает:

– Вы уже в курсе насчет Пятнадцатого округа?

– Смотрим по телевизору.

- Вы должны его остановить.

- Кого?

- Не валяйте дурака! Вы знаете, о ком я.

- Мы тут не можем ничего изменить. Суды действуют по своему графику. А парни Линка явно выполняют приказ. К тому же нельзя исключать простого совпадения.

- И то верно. Сейчас сюда едут ребята из ФБР.

- Это круто и, главное, умно?. Ровно через три часа и четырнадцать минут моему клиенту вколют смертельную инъекцию, а ФБР рассчитывает его прессануть насчет взрывов. Он бандит до мозга костей, причем старой закалки. Все повидавший и через все прошедший. Да он плюет на всех агентов ФБР, вместе взятых.

Вид у начальника тюрьмы такой, будто его вот-вот хватит удар.

- Мы должны что-то предпринять, - произносит он умоляюще. - Губернатор на меня орет. На меня все орут.

- Вот губернатору и карты в руки. Он даст отсрочку, и Линк перестанет взрывать. Правда, гарантировать это я не могу, поскольку он меня не слушает.

- А вы можете его попросить?

Я громко смеюсь:

- Само собой! Я поговорю со своим клиентом по душам, заставлю признаться и уговорю перестать заниматься тем, в чем он сознается. Нет проблем.

Он слишком подавлен, чтобы отреагировать на издевку, и ретируется, качая головой и грызя ногти: еще один чиновник, раздавленный тяжестью свалившейся на него проблемы. Я возвращаюсь в камеру и сажусь на стул. Линк не отводит глаз от телевизора.

– Это был начальник тюрьмы, – сообщаю я. – И он очень просит тебя отозвать своих псов.

В ответ – молчание. Никакой реакции.

Наконец Си-эн-эн выясняет, что к чему, и мой клиент становится самой горячей новостью часа. Во время интервью с прокурором, посадившим Линка, на экране появляется фотография моего клиента из его личного дела – там он намного моложе. Линк, сидящий по другую сторону стола, негромко цедит проклятие, но продолжает улыбаться. Дело, конечно, не мое, но если бы я задумал устроить взрывы, то офис этого парня оказался бы в самом верху списка.

Его зовут Макс Мансини, он главный прокурор города и считает себя настоящей легендой. Всю последнюю неделю он не сходил со страниц газет, и чем меньше времени оставалось до казни, тем охотнее он раздавал интервью. Казнь Линка будет первой в его послужном списке, и он не пропустит ее ни за что на свете. Честно говоря, я никогда не понимал, почему Линк решил замочить своего адвоката, а не Мансини. Но спрашивать об этом не буду.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Помощник игрока в гольф, который носит его клюшки и имеет право давать ему советы по ходу игры. – Здесь и далее примеч. пер.

2

Роберто Дуран (р. 1951) – панамский боксер-профессионал, признанный лучшим легковесом XX в.

3

От англ. link – звено, связь, соединение.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/dzhon-grishem/vne-pravil>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)